

ВОРОНЕЖСКІЯ

ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 15 числа. Подписка принимается на годъ въ редакціи Еп. Вѣд; кварталы редакторовъ почтовой конторы извѣстны въ Воронежѣ.

№ 18.

Цена сему изданію на годъ 4 р., а съ доставкою или пересылкою—5 р.; въ томъ числѣ почти 60 к., за бандероль, упаковку и другія расходы 40 копѣекъ серебромъ.

15-го СЕНТЯБРЯ 1875 ГОДА.

СОДЕРЖАНІЕ.—*Отдѣлъ оффиціальныи.*—По духовному вѣдомству: Высочайшій манифестъ.—По духовно-учебному вѣдомству.—Указъ отъ 2-го Іюля 1875 года за № 1777, о порядкѣ замѣщенія вакансій помощника смотрителя въ духовныхъ училищахъ.—Программа преподаванія Закона Божія въ сельскихъ двуклассныхъ училищахъ.—Программы преподаванія прочихъ учебныхъ предметовъ.—Приказы г. Оберъ-Прокурора Св. Синода объ опредѣленіи на службу воспитанниковъ дух. академій.—Журналъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ о книгѣ преподавателя 3 й С.-Петербургской гимназіи Э. Кесслера, подъ заглавіемъ: Синтаксисъ латинскаго языка,—по нѣмецкимъ источникамъ.—Объявленія.—Отъ правленія Воронежской дух. Семинаріи.—Отъ правленія Павловскаго дух. училища.—*Отдѣлъ неоффиціальныи:*—Архипастырское посланіе пастырямъ таврической епархіи.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫИ.

ПО ДУХОВНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІИ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫИ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІИ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІИ, ВЕЛИКІИ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІИ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всеѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ 19-й день сего августа Любезнѣйшая Наша Не-

вѣстка, Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія Павловна, Супруга Любезнѣйшаго Нашего Сына, Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Владиміра Александровича, разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Внука, а Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Сына, нареченнаго Александромъ.

Таковое Императорскаго Нашего Дома приращеніе пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, въ утѣшеніе Намъ испосланной, Мы вполнѣ удостовѣрены, что всѣ вѣрноподданные Наши вознесутъ съ Нами ко Всевышнему теплыя молитвы о благополучномъ возрастѣ и преуспѣяніи Новорожденнаго.

Повелѣваемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуется, Сего Любезнѣйшаго Намъ Внука, Новорожденнаго Великаго Князя, Его Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Москвѣ, въ Петровскомъ Дворцѣ, въ 19-й день сего августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ пятое, царствованія же Нашего въ двадцать первое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

(Церк. Вѣст. № 33).

ПО ДУХОВНО-УЧЕБНОМУ ВЪДОМСТВУ.

Указъ отъ 2-го Юля 1875 года за № 1777 о порядкѣ замѣщенія вакансій помощника смотрителя въ духовныхъ училищахъ.

(На имя Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго).

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный господиномъ оберъ-прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 108, по возбужденному Вашимъ Преосвященствомъ вопросу о порядкѣ замѣщенія вакансій помощника смотрителя въ духовныхъ училищахъ. *Приказали:* заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для должныхъ распоряженій къ исполненію, препроводить въ копии при указѣ Вашему Преосвященству.

Копія съ заключенія Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ по вышеизложенному предмету.

Опредѣлено: Высочайше утвержденными 25-го Мая 1874 г. правилами о порядкѣ замѣщенія преподавательскихъ вакансій въ семинаріяхъ и смотрительскихъ въ училищахъ центральному управленію духовно-учебнаго вѣдомства не предоставлено замѣщеніе вакансій помощниковъ смотрителя въ духовныхъ училищахъ; но сіе послѣднее оставлено на основаніи Высочайше утвержденного 14-го Мая 1867 года устава духовныхъ училищъ (§ 62), въ вѣдѣніи училищныхъ правленій и епархіальныхъ Преосвященныхъ. Посему правленіе духовнаго училища имѣетъ право баллотировать на означенную должность извѣстныхъ ему благонадежныхъ и удовлетворяющихъ требуемымъ условіямъ лицъ, какъ мѣстной епархіи, такъ и лицъ иноепархіальныхъ, если послѣдуетъ согласіе тѣхъ

и другихъ занять эту должность и если относительно иноепархіальныхъ лицъ не представится препятствій къ перемѣщенію со стороны мѣстныхъ Преосвященныхъ, въ вѣдѣніи коихъ названныя лица состоятъ. Избранный училищнымъ правленіемъ кандидатъ на вакансію помощника смотрителя представляется на утвержденіе епархіальнаго Преосвященнаго (§ 62 училищ. устава). Въ случаѣ же неизбранія училищнымъ правленіемъ такового кандидата, это дѣло поручается, примѣнительно къ §§ 47 и 66 училищ. устава, правленію мѣстной семинаріи. Семинарское правленіе также вступаетъ въ сношеніе съ извѣстными ему лицами, соотвѣтствующими означенной должности, какъ въ предѣлахъ своей епархіи, такъ и внѣ оной; при неимѣніи же въ виду способныхъ лицъ или отказа съ ихъ стороны занять должность помощника смотрителя—доносить о семъ епархіальному Преосвященному, которому за тѣмъ, какъ главному начальнику духовныхъ училищъ подвѣдомственной ему епархіи, принадлежитъ назначить на остающееся вакантнымъ мѣсто помощника смотрителя достойное лице по своему усмотрѣнію,—о чемъ съ обстоятельнымъ изложеніемъ дѣла и представить Святѣйшему Синоду.

Программа преподаванія Закона Божія въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ. (*)

(Составлена въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и одобрена Святѣйшимъ Синодомъ).

1-й классъ. Преподаваніе закона Божія имѣетъ цѣлью воспитать дѣтей въ христіанской благочестивой жизни, по

(*) Настоящія программы приложены къ инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ, утвержденной министромъ народ. просвѣщенія 4-го Іюня 1875 г., на основаніи Высочайш. повелѣнія 3-го Іюня 1869 г. каковую мы и напечатать въ слѣд. № В. Е. Вѣдомостей.

закону православной церкви. Весь характер преподаванія долженъ быть направленъ именно къ этой воспитательной цѣли. Первымъ самымъ естественнымъ и вмѣстѣ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ воспитанію благочестія въ дѣтяхъ служить—*молитва*. Но чтобы молитва имѣла свое истинно-религіозное и нравственно-воспитательное значеніе, она должна проникнуть въ сердце ребенка, чтобы, молясь, дитя не только твердило заученныя слова, но всѣмъ сердцемъ возносились къ Тому, къ Кому обращена молитва. Для этого необходимо, чтобы молитва была ясно, сознательно понята ребенкомъ, и не только выучена, но и прочувствована; она должна состоять изъ такихъ прошеній, которыя доступны его возрасту, и изъ такихъ благодареній, которыхъ не можетъ не чувствовать его сердце. Иначе дитя будетъ знать молитвы, но не будетъ чувствовать ни расположенія, ни искренней потребности молиться: *читать молитву* не всегда еще значитъ *молиться*. Прежде всего дѣтямъ должно быть дано понятіе о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ, какъ Духѣ вездѣсущемъ и всевѣдущемъ, любящемъ и милостивомъ Отцѣ всѣхъ людей, и о томъ, какъ искренна должна быть поэтому всегда наша къ Нему молитва. Каждой новой молитвѣ должна предшествовать бесѣда съ дѣтьми о содержаніи этой молитвы, такъ чтобы самая молитва вылилась, какъ результатъ этой бесѣды; она должна быть сказана по-русски, а уже потомъ переведена на церковно-славянскій языкъ; учить ее дѣти должны въ классѣ, со словъ законоучителя. По окончаніи урока, законоучитель читаетъ самъ именно эту молитву, чтобы показать дѣтямъ, *какъ* должно молиться этими словами; къ хорошей благоговѣйной молитвѣ дѣти должны быть привлечены примѣромъ; одни наставленія не научатъ молиться. Съ первыми своими молитвами дѣти должны обращаться къ Богу — Единому въ Трехъ Лицахъ, хотя сознательное обращеніе къ Святой

Троицѣ для нихъ еще трудно, и потому догматъ о Святой Троицѣ долженъ быть дѣтямъ только сказанъ именно какъ догматъ церкви, въ который они должны вѣрить; но такая вѣра, какъ в особенности дѣтская вѣра, и не требуетъ отчетливыхъ умопредставленій. Изученіе молитвъ идетъ въ такомъ порядкѣ: 1) прежде всего объясняется дѣтямъ смыслъ молитвъ предъ ученіемъ и послѣ ученія; выучить эти молитвы дѣти могутъ мало по малу, прислушиваясь къ чтенію ихъ въ классѣ (въ первое время по открытіи училища, читаетъ эти молитвы учитель, для чего ему необходимо присутствовать при объясненіи ихъ законоучителемъ); 2) молитва Господня, какъ завѣщанная намъ самимъ Спасителемъ; 3) молитва вечерняя; 4) молитва утренняя; 5) молитвы предъ столомъ и послѣ стола, и 6) прошенія просительной ектеніи «Дне всего совершенна». Кроме того, дѣтямъ объясняется значеніе и устройство храма и объясняются ектеніи и молитвы литургіи.

(По св. исторіи). Разказавъ дѣтямъ о сотвореніи міра, грѣхопаденіи и обѣщаніи Спасителя, законоучитель переходитъ къ Дѣвѣ Маріи и рожденію Спасителя. Изъ новозавѣтной исторіи дѣтямъ предлагаютъ въ 1 мѣ классѣ только тѣ разказы, которые служатъ къ объясненію главныхъ церковныхъ праздниковъ, и излагается главное содержаніе ученія Христова. При этомъ заучивается мало по малу *символъ вѣры*, по мѣрѣ того какъ будутъ объясняться упоминаемыя въ немъ событія, и разъучиваются нѣкоторыя соотвѣтствующія молитвы (напримѣръ, при разказѣ о Благовѣщеніи—«Богородице, Дѣво, радуйся»; о Рождествѣ Христовомъ—«Дѣва днесь»; о Воскресеніи Христовомъ—«Христосъ воскрес»; о Сшествіи Св. Духа—«Царю небесный», и т. д.). Послѣ этого проходитъ вкратцѣ св. исторія ветхаго завѣта и затѣмъ дѣти занимаютъ чтеніемъ изъ евангелія (по

русскому и славянскому тексту) тѣхъ событій о которыхъ уже знаютъ.

Примѣчаніе. Отъ дѣтей требуется не только твердое знаніе библейскихъ событій, но и умѣнье передать ихъ связно и правильнымъ языкомъ.

2-й классъ. Подробная св. исторія новаго завѣта, съ чтеніемъ Евангелія. Чтеніе нѣкоторыхъ главъ апостольскихъ дѣяній. Чтеніе и объясненіе нѣкоторыхъ главъ изъ апостольскихъ посланій и нѣкоторыхъ псалмовъ. Ученіе наизусть литургіи и объясненіе другихъ важнѣйшихъ службъ церковныхъ и таинствъ. Катехизисъ.

Программы преподаванія учебныхъ предметовъ въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

(Утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 31-го Мая 1869 г.).

ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

Обученіе русскому языку должно довести дѣтей до правильнаго, бѣглаго и разумнаго чтенія и правильнаго письменнаго изложенія мыслей. Чтеніе должно быть *прилично* т. е. дитя должно читать такъ, какъ принято говорить въ образованномъ обществѣ, съ вѣрными удареніями, вѣрною интонаціею и вѣрными остановками. Чтеніе должно быть *бѣгло*, потому что только тогда дитя получитъ возможность, читая, сосредоточивать все свое вниманіе на смыслѣ читаемаго, не отвлекаясь механическою работою чтенія. Наконецъ, чтеніе должно быть *разумно*, т. е. дитя должно понимать то, что читаетъ.

Только то чтение, которое отвѣчаетъ всѣмъ этимъ условіямъ, можетъ назваться *хорошимъ* чтеніемъ.

1-й классъ. Обученіе чтенію и письму. Чтеніе предварительно объясненныхъ учителемъ статей изъ книги для чтенія. Разказъ прочитанныхъ статей: сначала въ формѣ отдѣльныхъ отвѣтовъ на вопросы учителя и вслѣдъ за тѣмъ—въ полномъ видѣ; позже—непосредственный связный разказъ прочитаннаго, безъ пособія вопросовъ. Письменные отвѣты на отдѣльные вопросы учителя; рядъ письменныхъ отвѣтовъ по поводу прочитанной статьи и соединеніе ихъ въ форму связнаго изложенія; наконецъ связное письменное изложеніе прочитаннаго безъ помощи вопросовъ. Списываніе съ книгъ прочитанныхъ статей. Письмо подъ диктовку. (При всѣхъ письменныхъ упражненіяхъ должно имѣть въ виду то правило, что полезнѣе предупредить ошибки, чѣмъ исправлять; поэтому, при диктовкѣ, напримѣръ, учитель, даетъ дѣтямъ предварительно прочитать то, что будетъ диктовать, спрашиваетъ ихъ затѣмъ о составѣ тѣхъ словъ, въ которыхъ они могли бы сдѣлать ошибку, и только послѣ этого приступаетъ къ диктовкѣ; по окончаніи ея и по исправленіи ошибокъ, полезно давать дѣтямъ прочитать еще разъ тоже самое по книгѣ, чтобы они сами увидѣли сдѣланныя ими ошибки). Важнѣйшія правила правописанія объясняются дѣтямъ безъ грамматическихъ терминовъ. Въ этомъ классѣ дѣти должны практически научиться отличать слова, выражающія предметъ, качество предмета, дѣйствіе, качество дѣйствій, и указывать главныя части въ каждой рѣчи, т. е. предметъ рѣчи и что о немъ въ рѣчи сказано. Для развитія памяти и для выработки языка, слѣдуетъ чаще давать дѣтямъ учить наизусть легкія стихотворенія, предварительно правильно прочитанныя и объясненныя. Н

2-й классъ. Чтеніе болѣе распространенныхъ статей (въ нужныхъ случаяхъ съ предварительными объясненіями учителя). Главнѣйшія правила этимологіи и синтаксиса, въ особенности по примѣненію ихъ къ орфографіи. Письменные рассказы прочитаннаго, составленіе писемъ и сочиненія на легкія темы. (Въ первое время учитель, давая написать сочиненіе, долженъ предварительно объяснить дѣтямъ, въ какомъ порядкѣ могутъ быть изложены въ немъ мысли). Заучиваніе стихотвореній.

По арифметикѣ.

1-й классъ. 1-й годъ: Постепенное наглядное ознакомленіе дѣтей (посредствомъ видимыхъ предметовъ) съ составомъ первыхъ 10-ти чиселъ, причемъ дѣти получаютъ наглядное понятіе о сложеніи, умноженіи, вычитаніи и дѣленіи; цифры служащія къ изображенію этихъ чиселъ. Понятіе (наглядное) о $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{6}$. Числа отъ 10-ти до 100, по такой-же системѣ. При ознакомленіи дѣтей съ каждымъ новымъ числомъ, учитель предлагаетъ имъ несложныя практическія задачи на это число по всѣмъ четыремъ дѣйствіямъ. Всѣ задачи эти должны рѣшаться умственно, съ должными объясненіями.—2-й и 3-й годъ: числа до милліона. Умственные и письменныя задачи. Употребленіе счетовъ. Дѣти должны въ 1-мъ классѣ мало по малу ознакомиться наглядно съ единицами монетными, времени, вѣса, мѣры, и т. д.

2-й классъ. Простыя дроби; четыре дѣйствія надъ дробными числами. Рѣшеніе задачъ, относящихся къ правиламъ тройному, смѣшенія, товарищества и процентовъ, безъ помощи пропорцій. Главныя основанія планиметріи. Съемка плановъ.

По географіи.

Обозрѣніе глобуса: суша и вода; указаніе океановъ, материковъ, частей свѣта и положеніе Россіи. Знакомство съ Россійскою Имперіею по картѣ Россіи: моря (при этомъ понятіе объ островѣ, полуостровѣ, перешейкѣ, мысѣ, заливѣ и проливѣ); указаніе главныхъ путей водныхъ сообщеній: озера. Общій видъ поверхности Россіи, горы Россіи. Дѣленіе Россіи на европейскую и азіатскую, на губерніи и уѣзды (безъ перечисленія ихъ); указаніе на картѣ своей губерніи и сосѣднихъ съ нею, и уѣздовъ своей губерніи. Столицы Россіи и города, замѣчательные въ религіозномъ, историческомъ или промышленномъ отношеніи. Желѣзныя дороги. Величина Россіи, число жителей и ихъ главнѣйшій племенной составъ. Указаніе на картѣ Европы сосѣднихъ съ Россіею, а затѣмъ и другихъ важнѣйшихъ государствъ, съ главными городами, и земель, обитаемыхъ славянами. Нѣкоторыя свѣдѣнія о славянахъ.

По исторіи.

Древніе славяне, ихъ бытъ и вѣрованія (въ особенности тѣ, которыя сохранились въ народѣ до сихъ поръ). Призваніе варяговъ. Принятіе Ольгою св. крещенія. Крещеніе Владиміра и русскаго народа. Основаніе кіевопечерской лавры. Раздѣленіе и ослабленіе Руси по смерти Ярослава. Нашествіе татаръ. Александръ Невскій. Куликовская битва. Собираніе русской земли Іоанномъ III. Покореніе Казани, Астрахани и Сибири. Прикрѣпленіе крестьянъ. Самозванцы. Воцареніе дома Романовыхъ. Главнѣйшія послѣдующія событія до настоящаго времени.

Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ

Матеріаломъ будутъ служить статьи изъ книги для чтенія.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ЧИСЛО УРОКОВЪ ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ДВУКЛАСНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

(Утверждено министромъ народнаго просвѣщенія 31 го Мая 1869 г.).

	1-й классъ.		2-й классъ.		
	1 годъ	2 годъ	3 годъ	4 годъ	5 годъ
Законъ Божій	6	6	4	4	3
Русскій языкъ съ чистописаніемъ .	7	7	10	8	6
Ариѳметика	5	5	6	6	6
Исторія	—	—	—	2	3
Географія и естествознаніе	—	—	—	2	4
Черченіе	—	—	4	4	4
	18	18	24	26	26

Примѣчаніе 1. Время начала и окончанія уроковъ назначаетъ инспекторъ училищъ, сообразуясь съ мѣстными условіями.

Примѣчаніе 2. Ежедневно, по окончаніи уроковъ, дѣти (по возможности всѣ) занимаются полчаса пѣніемъ. Учитель пѣнія обязанъ приготовить хоръ изъ мальчиковъ и пѣть съ ними въ праздничные дни въ церкви. На упражненіе съ этимъ хоромъ назначается еще полчаса.

(Херсонск Епар Вѣд.).

Приказы г. Оберъ-Прокурора Св. Синода объ опредѣленіи на службу воспитанниковъ д. академіи.

Приказами оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода: 1) 29 го минувшаго іюля, опредѣлены на службу: учителями духовныхъ семинарій, кандидаты

С.-Петербургской духовной академіи: въ Пензу: *Востоковъ и Протопоповъ*, первый—по основному, догматическому и нравственному богословію, второй—по св. писанію; въ Пермь: *Златинскій и Баженовъ*, первый—по св. писанію, второй—по латинскому языку; въ Кременецъ: *Инатовичъ и Недѣльскій*,—первый по св. писанію, второй—по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; въ Тобольскъ: *Ловягинъ и Фашевскій*, первый—по греческому языку, второй по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; въ Петрозаводскъ: *Тимосевъ*—по греческому языку; въ Псковъ: *Берестовъ*—по психологій, обзору философскихъ ученій и педагогикѣ; въ Тверь: *Морошкинъ*—по греческому языку; въ Архангельскъ: *Нахоровъ*—по гражданской исторіи; въ Кишиневъ: *Поповичъ*—по латинскому языку; кандидаты Московской духовной академіи: въ Полтаву: *Мансвѣтовъ*—по основному, догматическому и нравственному богословію; во Владимірѣ: *Плаксинъ и Комаровъ*, первый—по св. писанію, второй по латинскому языку; въ Уфу: *Вертоградскій*—по греческому языку; въ Благовѣщенскъ: *Воскресенскій и Златоуцетовскій*, первый по основному, догматическому и нравственному богословію, второй—по церковной исторіи; въ Воронежѣ: *Василій Орловъ и Евгений Орловъ*, первый—по греческому, второй—по латинскому языку; въ Вятку: *Успенскій*—по греческому языку; въ Орелѣ: *Антушевъ*—по латинскому языку; въ Курскѣ: *Померанцевъ*—по св. писанію; въ Харьковѣ: *Татарскій*—по психологій, обзору философскихъ ученій и педагогикѣ; въ Пензу: *Боголюбскій и Волковъ*, первый—по греческому, второй—по латинскому языку; въ Пермь: *Покровскій*—по греческому языку; въ Калугу: *Богдановъ*—по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; въ Рязань: *Лебедевъ*—по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; кандидаты Кіевской духовной академіи: въ Кременецъ: *Викторскій*—по греческому языку; въ Могилевѣ: *Трусовскій*—по основному догматическому и нравственному богословію; въ Симферополь: *Корольковъ*—по греческому языку; въ Астрахань: *Поповъ*—по церковной исторіи; въ Полтаву: *Буцинскій*—по латинскому языку; въ Тифлисѣ: *Взеденскій и Ярославъ*, первый—по психологій, обзору философскихъ ученій и педагогикѣ; второй по латинскому языку; въ Тверь: *Воскресенскій и Ивановъ*, первый—по словесности и логикѣ, второй—по латинскому языку; въ Тамбовѣ: *Срътенскій*—по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; въ Каменецъ-Подольскъ: *Торошинокій*—по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; въ Екатеринославѣ: *Ушатскій*—по греческому языку; кандидаты казанской духовной академіи: въ Симбирскѣ: *Кенарскій*—по св. писанію; въ Томскѣ: *Любимовъ*—по основному, догматическому и нравственному богословію; въ Смоленскѣ: *Морозовъ*—по психоло-

гін, обзору філософських ученій и педагогикѣ; въ Благовѣщенскѣ; *Аицевъ* и *Сталытинъ*, первый—по св. писанію, второй—по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; въ Архангельскѣ: *Лавровскій*—по греческому языку; въ Харьковѣ: *Монастыревъ*—по св. писанію; въ Тифлсѣ: *Потоцкій*—по св. писанію; въ Тобольскѣ: *Беллавинъ* и *Павловскій*, первый—по греческому, второй—по латинскому языку; въ Иркутскѣ: *Поповъ*—по греческому языку; въ Казань: *Смирновъ*—по словесности, исторіи литературы и логикѣ; въ Смоленскѣ: *Черепнинъ*—по гомилетикѣ, литургикѣ и практическому руководству для пастырей; смотрителями духовныхъ училищъ, кандидаты духовныхъ академій: С.-Петербургскій: *Мономаревъ*—въ Новгородъ-Сѣверскъ; *Виторскій*—въ Петровскъ (Саратовской епархіи); *Старцевъ*—въ Тихвинъ; священникъ *Тепловъ*—въ Сольгаличъ; Московской: священникъ *Дубянский*—въ Якутскѣ, и Кіевской: *Шпаковский*—въ Мстиславъ, всѣ съ 17-го іюля 1875 года, 2) 30 го минувшаго іюля уволенъ въ отпущкѣ помощникъ столоначальника канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, губернской секретарь *Болословскій*, во внутреннія губерніи Россіи, на два мѣсяца.

(Тамбовск. Епарх. Вѣд.)

Указъ Св. Синода отъ 8 мая 1875 года за № 21 о книгѣ «Синтаксисъ Латинскаго языка» Кесслера.

По увазу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ оберъ-прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 2, о допущеніи составленнаго преподавателемъ 3-й С.-Петербургской гимназіи Э. Кесслеромъ «Синтаксиса латинскаго языка,— по нѣмецкимъ источникамъ» (С.-Петербургъ. 1875 г) къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи латинскаго языка, съ тѣмъ, чтобы авторъ, при слѣдующемъ изданіи названной книги, тщательно пересмотрѣлъ и исправилъ оную, согласно сдѣланнымъ указаніямъ. Приказали: Заключение Учебнаго Комитета утвердить и для объявленія о семъ Правленіямъ духовныхъ семи-

нарий къ исполненію послать Преосвященнымъ епархіальнымъ Архіереямъ указъ, съ приложеніемъ въ копіи журнала Учебнаго Комитета

ЖУРНАЛЪ

УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ ЗА № 36.

О книгѣ преподавателя 3-й С.-Петербургской гимназій Э. Кесслера, подъ заглавіемъ: Синтаксисъ латинскаго языка, — по нѣмецкимъ источникамъ (С. П.-Б. 1874 г.).

Синтаксисъ г. Кесслера, какъ видно уже изъ заглавія, не представляетъ самостоятельной разработки латинскаго синтаксиса, но составленъ на основаніи нѣмецкихъ источниковъ. Правильнѣе было бы сказать, что онъ составленъ главнымъ образомъ по одному источнику, съ немногими измѣненіями и дополненіями изъ другихъ. Этимъ источникомъ была для г. Кесслера грамматика Фр. Еллендта, обработанная для учебнаго употребленія Мор. Зейффертомъ. (*Dr. Friedrich Ellendts lateinische Grammatik . . bearbeitet von Dr. M. Seyffert. 12 Auflage. Berlin. 1873*). Названная грамматика пользуется въ Германіи значительной извѣстностью, что доказывается тѣмъ, что въ 1873 г. она вышла уже 12-мъ изданіемъ — обстоятельство, при чрезмѣрномъ богатствѣ нѣмецкой учебной литературы по изученію древнихъ языковъ, не маловажное. Дѣйствительно, книга Еллендта обладает многими достоинствами, изъ которыхъ особенно выдаются: краткость при необходимой полнотѣ и обстоятельности, строгая систематизація и формулировка правилъ и мѣткій подборъ примѣровъ. Посему нельзя не одобрить выбора г. Кесслера, хотя все же его «синтаксисомъ» не восполняется необходимость дать въ руки ученикамъ латинскую грамматику, построенную на тре-

бoвaнiяхъ русской рѣчи, а не на схемахъ нѣмецкой систематики. Переводовъ и передѣлокъ нѣмецкихъ грамматикъ мы имѣемъ уже достаточно: Цумпта, Кюнера, Шульца; теперь къ нимъ присоединяется передѣлка Еллендта Зейфферта, но нѣтъ ни одной полной, написанной русскимъ для русскихъ. Отъ указанныхъ выше передѣлокъ книга г. Кесслера отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что авторъ вездѣ старается приравняться къ законамъ русской рѣчи (тутъ-то и заключается неловкость положенiя составителя, приравниющаго явленiя роднаго языка чужому, а не пользующагося ими какъ данными самостоятельными), и, обладая вполне русскимъ языкомъ, дѣлаетъ эти приравненiя весьма удачно. Ниже будутъ указаны нѣкоторые промахи въ этомъ отношенiи, но здѣсь должно замѣтить, что «Синтаксисъ» г. Кесслера имѣетъ громадное преимущество передъ грамматикою напр. Ходобая въ томъ, что правила въ немъ изложены ясно и опредѣленно, латинскiя выраженiя передавы вполне соответствующими имъ русскими и притомъ взятыми изъ языка современнаго, смыслъ частицъ уясненъ въ большинствѣ случаевъ мѣтко и вѣрно. Сообразно съ этими достоинствами «Синтаксисъ» г. Кесслера могъ бы служить весьма полезной книгой при переводахъ съ русскаго языка на латинскiй, если бы авторъ приложилъ къ своей книгѣ указатель русскихъ словъ и выраженiй, переведенныхъ и объясненныхъ въ его трудѣ. Безъ этого же указателя пользоваться книгою при переводахъ съ русскаго на латинскiй весьма затруднительно.

Уже было упомянуто, что главнымъ источникомъ у г. Кесслера была грамматика Еллендта — Зейфферта. Онъ сохранилъ въ большинствѣ случаевъ, не только порядокъ главъ этой книги, но и придерживался нѣрѣдко дословно изложенiя правилъ и приводилъ тѣже са-

мые примѣры. Въ большинствѣ случаевъ, потому что мѣстами авторъ отступаетъ отъ своего подлинника, причемъ эти отступленія состоятъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: измѣняется порядокъ въ изложеніи правилъ, самыя правила передаются въ другой противъ оригинала формѣ, дѣлаются добавленія, пропуски, переставляются параграфы, соединяются нѣсколько правилъ въ одно, печатается мелкимъ шрифтомъ то, что въ оригиналѣ помещено крупнымъ и на оборотъ. Многія изъ этихъ перемѣнъ весьма не существенны, потому что касаются мелочей или не вызваны особенною необходимостью; прочія же касаются вопросовъ болѣе важныхъ и вызваны тѣмъ, что составитель или старался о большей ясности, или приспособлялъ нѣмецкое изложеніе къ фактамъ языка русскаго. Такъ, нельзя не отмѣтить на стр. 111 и слѣдующихъ стремленіе сопоставить употребленіе латинскихъ видовъ и временъ съ русскими, стремленіе робкое и не вездѣ удачное, но все же заслуживающее одобренія. Здѣсь будетъ отмѣчено нѣсколько такихъ болѣе существенныхъ отступленій отъ грамматики Еллендта-Зейфферта, съ которыми нельзя согласиться, и затѣмъ будетъ указано нѣсколько болѣе частныхъ данныхъ также если не невѣрныхъ, то или неточныхъ или же лишнихъ и не убѣдительныхъ. — Такъ въ главѣ объ употребленіи падежей г. Кесслеръ отступаетъ отъ нѣмецкаго подлинника въ томъ, что онъ сперва указываетъ на общее, т. е. первичное значеніе падежа и затѣмъ къ нему подводитъ отдѣльные случаи его употребленія. Такого приѣма не встрѣчаемъ мы у Еллендта, и онъ представляется не только лишнимъ, но и врядъ-ли вѣрнымъ. Дѣло въ томъ, что сравнительное изученіе синтаксическихъ отношеній, выражаемыхъ падежами еще только начинается, и по сіе время не пришло ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ, и потому вводить въ учеб-

никъ различныя предположенія и вѣроятности, которыми можно съ одинаковымъ правомъ противопоставить другія, представляется совершенно не педагогическимъ. Можно бы, пожалуй, примириться съ этимъ, если бы отъ такого приѣма сколько нибудь облегчался трудъ для ученика, но и этого не оказывается. Для примѣра можно привести то, что говоритъ г. Кесслеръ про-родительный падежъ (стр. 11) «Родительный падежъ, читаемъ мы, въ латинскомъ языкѣ зависитъ всегда отъ какого-либо имени (существительнаго, прилагательнаго) и ставитъ одно имя въ грамматическое отношеніе къ другому. Отношеніе это бываетъ троякое. Имя въ родит. падежѣ относится къ другому: 1) какъ подлежащее, или 2) какъ дополненіе и 3) какъ сказуемое. На этомъ основаніи мы различаемъ: Genetivus subjectivus, Genetivus objectivus, Genetivus praedicativus.» Подъ эти три отдѣла подводятся всѣ случаи употребленія «Genetivi.» Начиная съ того, что самое опредѣленіе родит. падежа какъ такого, который ставитъ одно имя въ грамматическое отношеніе къ другому (какъ будто нѣтъ грамматическаго отношенія между именами въ такихъ соединеніяхъ какъ Amicus homini Romano, dignus rena и т. п.) для учащагося не даетъ ровно ничего; какъ можно объяснить то положеніе автора, по которому родит. въ латинскомъ языкѣ зависитъ всегда отъ какого-либо имени? Правда, г. Кесслеръ дѣлаетъ въ этому слѣдующее примѣчаніе: «Зависимость родит. падежа въ латинскомъ языкѣ отъ глаголовъ есть только кажущаяся (?) и происходитъ—или вслѣдствіе того, что глаголь заключаетъ въ себѣ корень существительнаго (что это значитъ?) или же вслѣдствіе пропуска имени существительнаго или мѣстоименія. Примѣромъ на первый случай можетъ служить гл. taedet me alicujus rei-taedium alicujus rei me cepit, на второй mea interest.» Нельзя не подивиться той

провицательности, съ которой авторъ проникъ въ самыя сокровенныя и никому невѣдомыя законы языка, указавъ, какъ и что пропускается для образованія той или другой конструкціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо и замѣтить, что эти указанія совершенно бездоказательны, не говоря уже объ ихъ ненаучности; какъ напр. теорія г. Кесслера объяснить конструкціи, вроде: *voti damnari, admono religionis, prudentis est* и т. п.? Такія указанія будутъ сообщать учащимся невѣрный взглядъ на языкъ и кромѣ того будутъ понапрасну ихъ путать. Точно также неудачнымъ кажется и подведеніе всѣхъ случаевъ употребленія *Gen.* подъ 3 группы: *Gen. subiectivus, Gen. obiectivus* и *Gen. praedicativus*. Уже Мадвигъ (*Lat. Sprach. § 279. Anm.*) совершенно вѣрно замѣтилъ, что *in einigen Anwendungen (родит. надежа) ist die Grundbedeutung und die ursprüngliche Auffassung nicht mit Sicherheit zu erkennen*, а потому и невозможна така классификація, которая не оставляла бы никакого мѣста сомнѣнію. Можно привести еще ученіе о падежѣ винительномъ. По опредѣленію автора, винительный падежъ ставится на вопросъ *кого? что?* при глаголахъ переходящихъ, для обозначенія предмета, на который непосредственно переходитъ дѣйствіе глагола (*objectum transitivum*), напр. *lego librum*, или для обозначенія предмета, который самъ происходитъ отъ дѣйствія выраженного глаголомъ (*objectum factitivum*), напр. *scribo epistolam*. И это опредѣленіе, какъ слишкомъ общее, можетъ вызвать недоумѣнія со стороны учащихся; напр. винит. падежъ ставится не исключителено при глаголахъ, какъ утверждаетъ г. Кесслеръ, а и при другихъ частяхъ рѣчи; затѣмъ можно недоумѣвать, въ какому разряду объектовъ можно отнести винит. падежъ напр. въ выраженіи: *bibere aquam*, потому что на *aqua* не переходитъ непосредственно дѣйствіе *bibendi* и т. п. Подъ указанные два рода объектовъ: *transitivum* и *factitivum* подводитъ авторъ

са- ка, кой цн за- къ дѣ- кіа ідѣ пу- ніе іен. ить пѣ, ind zu іа, ю. іѣ. гея къ, іно пр. мѣ мѣ ъ- у- гв- ж- ии; ѣк- и: ю- ва рѣ

всѣ случаи употребленія винит. падежа, при чемъ у него (то впрочемъ при неестественности такого подраздѣленія и понятно) выходитъ, что нерѣдко отдѣльные примѣры не подходятъ къ той рубрикѣ, къ которой отнесены. Напр. на стр. 27, говоря объ *objectum transitivum*, г. Кесслеръ приводитъ примѣры вродѣ: *in redi orationem*, а на стр. 31, гдѣ рѣчь идетъ объ *obj. factitivum* вродѣ: *alere segetem* и т. п.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы убѣдиться, что не всѣ, болѣе или менѣе существенныя измѣненія, сдѣланныя г. Кесслеромъ въ его «Синтаксисѣ» сравнительно съ изложеніемъ Еллендта Зейферта, могутъ быть признаны удачными. Точно также нельзя согласиться и со многими мелочами, находящимися въ его книгѣ, изъ обзорѣнія которыхъ можно составить ближайшее понятіе какъ о приемахъ автора, такъ и объ его изложеніи (*).

Стр. 8: «*frequens* присоединяется только къ названіямъ лицъ,» но говорится также напр. и *frequens piscis*, посему лучше было бы сказать: одушевленныхъ предметовъ.

Стр. 13. Употребленіе родит. падежа при *interest* объясняется опущеніемъ сл. *causa*. Уже выше было указано на несостоятельность приема, посредствомъ котораго все трудно объяснимое въ языкѣ толкуется чрезъ добавленіе того или другаго слова, выраженія и даже фразы; а между тѣмъ г. Кесслеръ весьма часто прибѣгаетъ къ подобному роду объясненія (см. стр. 20, 22, 25, 30, 132, 184, 186, 224, 239, и др.), которое даетъ учени-

(*) При этомъ будутъ приведены также и нѣкоторыя частности, находящіяся въ главномъ источникѣ г. Кесслера, и съ которыми согласиться весьма трудно.

намъ невѣрное понятіе не только о томъ или другомъ фактѣ языка, но и самомъ развитіи послѣдняго.

На стр. 22-й одни и тѣже слова требуютъ послѣ себя и Gen. generis и Gen totius.

Стр. 25. Въ числѣ глаголовъ, требующихъ т. и Gen. pretii не упомянуты глаголы: продавать, покупать (см. Cic. de off. 3. 12)

Стр. 34. гдѣ говорится о различномъ переводѣ гла. *избирать*, не упомянуто выраженіе: *consulem creare*.

Стр. 37. Странное сопоставленіе формъ: *opitulari, auxiliari, subvenio*.

Стр. 38. Прим. 3 овазывается излишнимъ, потому что *invideo* сочиняется съ дат. падежомъ аналогично съ русскимъ (точно также излишне перечисленіе глаголовъ на стр. 49).

Стр. 40. Опять странное сопоставленіе: *adhaeret quis lateri* не отходить ни на шагъ отъ кого; *supervenio munientibus castra* застать въ располхъ кого и (см. стр. 41 и др.) тамъ же *praesum reipublicae* переведено: стою во главѣ республики — лучше: государства (см. стр. 47.)

Стр. 43. *affinis* не точно передано черезъ «свои»

Стр. 45. При конструкціи *mihi nomen est* не упомянуто о сочиненіи съ родит. падежомъ (см. Yell P. 1. 11).

Стр. 66. Про предлогъ *per* сказано, что онъ часто употребляется въ смыслѣ русскаго *по*, для означенія распространенія по поверхности, напр. (*socios conjugationis in vinculis habere per (по, въ) municipia*. — Но гдѣ же тутъ распространеніе по поверхности?

Стр. 68. *ab urbe profectus est* — переведено: отъ города уѣхалъ

Стр. 77. *Miltiades atheniensis* не значитъ: Мильтиадъ родомъ изъ Аѳинъ, но Аѳинскій гражданинъ.

Стр. 86. Невѣрно сказано, что изъ существительныхъ: овесъ, ячмень, горохъ, дикій горохъ, бобъ, чечевица, роза, только *бобъ* и *роза* употребляются во множе-

ственномъ числѣ; говорится напр. нынѣшній годъ овсы хороши и т. п.

Стр. 87. Такія pluralia, какъ invidiae multitudinis, odia vulgi и т. п. лучше объяснять не различнымъ видомъ отвлеченныхъ понятій, но особымъ конкретнымъ способомъ выраженія древнихъ, вслѣдствіе котораго известное напр. душевное состояніе нѣсколькихъ лицъ разсматривалось въ своемъ отдѣльномъ проявленіи въ каждомъ индивидуумѣ, что и вызывало употребленіе множественнаго числа.

Стр. 10. Про мѣстоименіе ipse сказано, что въ латинскомъ языкѣ довольно часто употребляется именительный падежъ, когда по русски ставится косвенный падежъ напр. medici ipsi se curare non possunt (медики самихъ себя лечить не могутъ). А развѣ нельзя по русски сказать: медики сами себя лечить не могутъ? Вообще жаль, что при объясненіи употребленія этого мѣстоименія г. Кесслеръ отступилъ отъ Еллендта Зейфферта, гдѣ сказано гораздо опредѣлительнѣе, что ipse steht in verschiedenem Casus, je nachdem das Subiect oder das Object andern entgegengesetzt zu denken ist.

Стр. 108. Въ латинскомъ языкѣ по формѣ отличаются два залога: 1) дѣйствительный залогъ (activum), которымъ выражается дѣйствие или состояніе подлежащаго и т. д. — такое опредѣленіе, думается, можетъ поставить учащагося въ недоумѣніе, какимъ образомъ по значенію между залогомъ есть основаніе для ихъ различія по формѣ.

Стр. 110, прим. Говоря объ употребленіи страдательнаго залога для выраженія возвратнаго дѣйствія, г. Кесслеръ прибавляетъ: Если преобладаетъ самодѣятельность подлежащаго, то употребляется дѣйствительный залогъ съ мѣстоименіями: me, te, se, nos, vos, se. Me libris delecto (я готовлю себѣ (?) наслажденіе чтеніемъ книгъ). — Что здѣсь значитъ преобладаніе (надъ чѣмъ?)

самодѣтельности (?) подлежащаго?

Стр. 112. Говоря о значеніи *praesens*, авторъ приводитъ, что оно означаетъ многократное дѣйствіе, продолжающееся (?) въ настоящее время, напр. *quotidie scribo*. Въ этомъ примѣрѣ многократность обозначается не сл. *scribo*, а сл. *quotidie*.

Стр. 1. 8. «Изъявительное наклоненіе, говоритъ авторъ, представляетъ высказанное какъ нѣчто самостоятельное, независящее ни отъ чего другаго». Понятіе и опредѣленіе сказано у Еллендта-Зейфферта: *als wirklich oder thatsächlich, unabhängig von der Ansicht eines Subjects*. Точно также неопредѣленно выражено значеніе сослагательнаго наклоненія, какъ такого, которое представляетъ высказанную мысль или требованіе (а развѣ требованіе не есть мысль?) не какъ нѣчто самостоятельное, но какъ зависящее отъ чего нибудь другаго.— Проще у Еллендта-Зейфферта: *stellt den Inhalt eines Satzes als Annahme, als Vorstellung dar*.

Стр. 129, гдѣ идетъ рѣчь о переводѣ латинскаго *Indicat.* черезъ русское сослагательное наклоненіе, сказано, что *Ind. Imper.* отъ глаголовъ *possum, licet, debeo* и т. д. служить для означенія того, что до настоящей минуты дѣйствіе не совершилось и все еще можетъ совершиться — Понятіе сказано у Еллендта-Зейфферта: *das bisher nicht stattgefunden hat, das aber noch immer stattfinden kann*.

Стр. 140. Говорится, что *ut finale* ставится независимо отъ предыдущаго глагола, для выраженія намѣренія или цѣли дѣйствія, (съ тѣмъ чтобы), напр. *Edo, ut vivam, non vivo, ut edam*.—Но неужели здѣсь *ut edam* и *ut vivam* отрѣшены отъ всякой зависимости отъ глаголовъ *vivo* и *edo*?

Стр. 142. прим. 2-е Въ отдѣлѣ о *conjunctiones finales et consequivae* идетъ уже рѣчь объ *Acc. c. Infin.*, которыя будутъ излагаться гораздо ниже (сл. также

стр. 24, 24, 198 и др.).

Стр. 147. Союзъ *quoniam*, составленный изъ нарѣчія *qui* и отрицанія *ne* — такимъ образомъ, что *ne*. Но какъ же во *ſ*-хъ *quoniam*, какъ сказано нѣсколькими строками ниже, можетъ быть замѣнено мѣстоименіемъ *qui* *non*, *quod non*, и затѣмъ какимъ образомъ вытекаютъ изъ указаннаго основнаго значенія различные оттѣнки въ смыслѣ сл. *quoniam*, верѣдко не имѣющіе къ оному равно никакого отношенія (напр. *non dubito quoniam Deus sit; consendimus equos* и т. д.).

Стр. 161. Утвержденіе, что *quia* есть собственно форма средняго рода мѣстоименія относительнаго, болѣе, чѣмъ сомнительно (Gorssen *Ausp.* 2 p 850).

Стр. 185. *Rhodi* переведено: въ городѣ Родосѣ. Почему же не на островѣ Родосѣ? Тамъ же къ одному примѣру присоединено указаніе, откуда онъ взятъ (*de nat deor.* 1, 84), что при полномъ отсутствіи подобныхъ указаній въ другихъ случаяхъ представляется неумѣстнымъ. Замѣтимъ встать, что напрасно г. Кесслеръ не обозначилъ при каждомъ примѣрѣ, откуда онъ заимствованъ, потому что такое указаніе всегда бываетъ полезно, а иногда даже и необходимо для преподавателя.

Стр. 186. Выраженіе: *orbem terrae caede atque incendiiis vastare cupientem* переведено довольно странно: разрушить міръ кровопролитіемъ и пожарами.

Стр. 187. Прим. 2, есть указаніе на то, что только со времени Ливія *an* употребляется въ простомъ косвенномъ вопросѣ въ одинаковомъ значеніи съ *nam*. Ср. подобныя же указанія на ст. 22, 230, 235, 240, 225, и др. Нельзя не выразить сожалѣнія о томъ, что подобныя историческія замѣчанія у автора встрѣчаются лишь спорадически; ихъ можно бы было провести довольно последовательно черезъ большинство отдѣловъ синтаксиса, воспользовавшись напр. такими почтенными по-

собіями, какъ труды Дрегера (*Historische Syntax der Lateinischen Sprache*), Кюнаста, (*Die Hauptpunkte der Livianischen Syntax* и др.

Стр. 189. Какимъ образомъ форма: *Scis te dixisse in dixisti, idque ego scio?*

Стр. 220. Определеніе латинскаго Abl. absol., сравнительно съ русскимъ языкомъ, не совсемъ удачно Г. Кесслеръ говоритъ, что въ латинскомъ языкѣ «Abl. absol. ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго (?) творительнаго падежа. Какъ всякій творительный падежъ, онъ составляетъ только членъ предложенія, съ точки же зрѣнія русскаго языка (такъ какъ Abl. abs. переводится придаточнымъ предложениемъ), онъ представляется какъ бы особою формою придаточнаго предложенія и поэтому, сравнительно съ русскимъ языкомъ, можно составить слѣдующе правило: Abl. absolutus есть придаточное обстоятельственное предложеніе, въ которомъ подлежащее поставлено въ творительномъ падежѣ и сказуемое въ творительномъ падежѣ причастія.»— Не говоря уже о томъ, что определеніе автора мало уясняетъ сущность дѣла, мы обратимъ вниманіе на то, что главное отличіе, которое онъ видитъ между латинскою и русскою конструкціями и на которомъ зиждется все правило, неопределенно, потому что въ приведенныхъ самимъ же г. Кесслеромъ примѣрахъ латинскій abl. abs. гораздо удобнѣе можетъ быть переданъ по русски не придаточнымъ предложениемъ, а обстоятельствомъ времени, напр. *Romulo regnante* въ царствованіе Ромула; *hoste isto* послѣ побѣды надъ непріателемъ.— Можно бы было также при объясненіи Abl abs. сопоставить старинную славяно-русскую конструкцію дательнаго самостоятельнаго

Стр. 224. Обороты въ родѣ *natura duce, te abjutore* и т. п. объясняются тѣмъ, что въ нихъ подразумѣвается неупотребительное причастіе глагола *esse*. Но какъ же

можетъ подразумѣваться слово неупотребительное? (см. стр. 239).

Стр. 227. Говоря о различномъ переводѣ Герундиана и Part. Perf. Pass. въ оборотѣ Abl. abs., г. Кесслеръ приводитъ примѣры, которые, по приложеннымъ имъ переводамъ, совершенно однозначущи: *Caesare interficiendo* — убіеніемъ Цезаря и *Caesare interfecto* — убіевіемъ Цезаря.

Стр. 242. Мѣсто, занимаемое въ предложеніе союзомъ *que*, опредѣлено не совсѣмъ понятно. *Que*, говоритъ авторъ, присоединяется къ концу того слова, которое занимаетъ первое мѣсто во всемъ предложеніи или же *первое мѣсто члена предложенія* (?), напр. *obsessaque urbs est*.

Стр. 233. Согласно съ Шмальфедомъ (*Lateinische Synonymik*) авторъ предполагаетъ, что *atque* образовалось изъ *ab+que*; но какимъ образомъ эти два слова даютъ смыслъ: я прибавлю еще, я долженъ еще прибавить — не понятно.

Стр. 283. Страннымъ образомъ Горацій причисляется къ писателямъ серебрянаго вѣка.

Число подобныхъ недомолвокъ и неточностей можетъ быть значительно увеличено, но и приведенныхъ достаточно для того, чтобы убѣдиться, что книга г. Кесслера требуетъ внимательнаго пересмотра, особенно со стороны изложенія и сравненія съ русскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ видѣ она можетъ служить хорошимъ пособіемъ при преподаваніи латинскаго языка въ духовныхъ семинаріяхъ.

На основаніи изложеннаго Учебный Комитетъ находитъ возможнымъ составленную преподавателемъ третьей С.-Петербургской гимназіи Э. Кесслеромъ книгу: «Синтаксисъ латинскаго языка, — по нѣмецкимъ источникамъ (С.-Петербургъ 1874 г.)» рекомендовать для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи латинскаго языка, —

съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы авторъ, при слѣдующемъ изданіи названной книги, тщательно пересмотрѣлъ и исправилъ оную, согласно сдѣланнымъ замѣчаніямъ.

(*Волын Епарх. Вѣд.*)

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ правленія Воронежской духовной Семинаріи.

Правила относительно помѣщенія своекоштныхъ воспитанниковъ на жительство въ Семинарію.

§ 1.) Желаящіе помѣститься на жительство въ Семинарію полными пансіонерами, платятъ за содержаніе 90 руб. въ годъ; пансіонеры, пользующіеся всѣмъ отъ Семинаріи, кромѣ одежды и обуви, платятъ по 60 руб.

§ 2.) Плата вносится по третямъ года, въ теченіи первой половины перваго третнаго мѣсяца; не удовлетворившіе этому требованію, по истеченіи означеннаго срока увольняются изъ Семинарскаго общежитія, причемъ съ нихъ взыскиваются слѣдующія по расчету деньги за неоплаченное время.

Примѣчаніе. За ученика, поступающаго въ Семинарское общежитіе не съ начала трети, плата взимается по расчету времени съ 1 числа того мѣсяца, въ который поступилъ воспитанникъ.

§ 3.) Въ случаѣ выбытія ученика изъ общежитія до истеченія трети, полученные за него деньги не возвращаются.

§ 4.) Всѣ своекоштные воспитанники Семинаріи, помѣщающіеся въ число пансіонеровъ, сверхъ установленной платы за содержаніе, при самомъ поступленіи

въ казенный корпусъ, вносятъ еще по 18 руб. на изготовление постельныхъ принадлежностей, одинаковаго вида и качества съ казенными. На возобновленіе постельныхъ принадлежностей они обязываются также вносить въ подлежащее время потребную сумму въ размѣрѣ, опредѣляемомъ правленіемъ.

§ 5.) Своестошные ученики, поступающіе въ Семинарское общежитіе полными пансіонерами, сверхъ постельныхъ принадлежностей, получаютъ изъ Семинарской экономіи, также какъ и казеннокоштные: а.) теплое пальто суконное на ватѣ—на четыре года, б.) сюртукъ, брюки и жилетъ изъ чернаго сукна на три года, в.) фуражку на два года, г.) сюртукъ, брюки и жилетъ изъ сѣрой шерстяной матеріи, шелковую манишку съ галстукомъ, три пары бѣлья, три пары нитяныхъ носковъ, три полотенца, три бумажныхъ носовыхъ платка, двѣ пары сапоговъ и галоши ежегодно.

§ 6.) Воспитанники, поступающіе пансіонерами т. е. со взносомъ за содержаніе 60 руб., кромѣ постельныхъ принадлежностей получаютъ изъ семинарской экономіи еще три пары бѣлья, три пары нитяныхъ носковъ и три носовыхъ платка.

Примѣчаніе. Учебниковъ своестошнымъ воспитанникамъ, состоящимъ какъ полными пансіонерами, такъ и пансіонерами, отъ казны не выдается.

§ 7.) Своестошные воспитанники, состоявшіе полными пансіонерами, при окончаніи курса, также какъ и казеннокоштные удерживаютъ за собою: а.) пальто, прослужившее болѣе трехъ лѣтъ, б.) суконную пару, прослужившую болѣе одного года, в.) лѣтнюю пару, построенную за годъ до окончанія курса, г.) манишку, д.) фуражку, е.) двѣ пары бѣлья, ж.) пару нитяныхъ носковъ, з.) одну пару сапоговъ и галоши. Воспитанники, состоявшіе пансіонерами, при окончаніи курса удерживаютъ за собою 2 пары бѣлья и пару нитяныхъ носковъ.

§ 8.) Воспитанники, увольняемые изъ Семинарскаго общежитія или вовсе изъ Семинаріи, какъ по прошеніямъ, такъ и по распоряженію начальства, получаютъ изъ Семинарской экономіи въ собственность: состоявшіе полными пансіонерами — поношеную сюртучную пару, пару бѣлья, пару сапоговъ и пару носковъ, — состоявшіе пансіонерами — пару бѣлья и пару носковъ.

Съ подлиннымъ свѣрять Секретарь *Н. Богородицкій*.

Отъ правленія Павловскаго духовнаго училища.

Правленіе Павловскаго Духовнаго Училища отношеніемъ отъ Августа 29 за № 141, проситъ Редакцію объявить въ ближайшемъ № Епархіальныхъ Вѣдомостей, что при Павловскомъ училищѣ свободна вакансія по предмету Нотнаго Церковнаго пѣнія, съ жалованьемъ, при 9 урокахъ въ недѣлю (въ нормальномъ и параллельномъ классахъ) 200 р. и по должности регента при Соборной Церкви, если кто пожелаетъ, 180 р. всего — 380 рублей.

Желающіе занять эту вакансію имѣютъ явиться въ Правленіе Училища не позже 25 Сентября, съ законнымъ удостовѣреніемъ какъ о своемъ поведеніи, такъ и о томъ: проходилъ ли гдѣ обязанность Учителя, или Регента по сему предмету

Смотритель училища *Григорій Булгаевичъ*.

НЕОФФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Архипастырское посланіе пастырямъ таврической епархіи

*Братія мои, священно-служителямъ Таврической епархіи,
миръ и благословеніе отъ Господа нашего Иисуса Христа!*

Семилѣтнія наблюденія мои показали мнѣ, что православный народъ таврической епархіи, какъ и вездѣ въ Россіи, вообще говоря, набоженъ, любитъ свою православную вѣру, дорожитъ ею, какъ безцѣннымъ, отъ предковъ перешедшимъ, сокровищемъ, дорожитъ церковію, какъ хранилищемъ благодатныхъ даровъ, какъ священнымъ мѣстомъ, гдѣ онъ учится вѣрѣ, гдѣ ищетъ и находитъ удовлетвореніе своимъ благочестивымъ стремленіямъ сердца. Если онъ мало и не ясно понимаетъ сущность христіанской вѣры, если въ удовлетвореніи сердечной потребности богопочтенія останавливается болѣе на его внѣшности, ограничивается обрядовою его стороною, то въ этомъ виновать, конечно, не онъ одинъ; по крайней мѣрѣ его нельзя попрекнуть холодностію къ вѣрѣ, неохотою изучать, уяснять себѣ вѣру съ той ея стороны, которая доступна его разумѣнію. Посмотрите, напр., съ какимъ уваженіемъ, съ какою любовью относится онъ къ книгамъ божественнымъ, т. е. поучающимъ боговѣдѣнію и богоугожденію. И читаетъ онъ и любитъ слушать читаемыя книги преимущественно божественныя; только такія книги и считаетъ достойными чтенія; для чтенія такихъ книгъ, и именно въ видахъ уясненія себѣ вѣры и правилъ нравственности христіанской, онъ считаетъ полезною самую грамотность. Такъ ли поступалъ-бы человекъ холодный къ вѣрѣ?

Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный даръ Божій, эта живая, только неосмысленная, любовь къ вѣрѣ и у насъ не вездѣ получаетъ правильное развитіе и сообразное съ волею Божіею направленіе, иногда же и совершенно искажается. Подъ влія-

ніемъ самозванныхъ в роучителей, простодушные и дѣтски до вѣрчивые поселане иногда и у насъ увлекаются въ самочинное служеніе Богу, или въ мнимо-древнюю вѣру — въ расколь, или въ мнимодуховную жизнь — въ молоканствѣ, или даже въ противоестественное сумазбродство у скопцовъ. Пастырски болзную объ этихъ, можетъ быть, лучшихъ, по крайней мѣрѣ ревностнѣйшихъ и заботливѣйшихъ о своемъ спасеніи членахъ нашей паствы; но и здѣсь не рѣшаюсь винить ихъ однихъ. Не оправдываю ихъ неразумнаго увлеченія. вмѣсто того, чтобъ искать наставленія въ вѣрѣ у своихъ законныхъ, Богомъ поставленныхъ, пастырей, они обратились къ самозваннымъ, за какое своеволие и наказаны Богомъ, преданы въ неискусенъ умъ творити неподобная. Все ли мы дѣлали, что съ нашей стороны требовалось сдѣлать къ разрѣшенію ихъ недоразумѣній, къ успокоенію смятенной ихъ совѣсти? Приняли-ли мы какія либо мѣры къ утверженію ихъ въ православной вѣрѣ разъясненіемъ ея ученія, ея богослуженія? Дали-ли мы имъ какое либо доказательство нашей ревности о славѣ Божіей, нашей заботливости объ ихъ спасеніи, нашего сердечнаго уваженія къ вѣрѣ? Старались ли мы приобрѣсти ихъ довѣріе нашею внимательностію къ ихъ заявленіямъ, ласковымъ обращеніемъ, безкорыстіемъ, правдивостію, трезвостію, благочестіемъ, миролюбіемъ? Совѣсть каждаго изъ насъ пусть отвѣчаетъ на эти вопросы предъ Богомъ, Которому принадлежитъ и наше прошедшее, и судъ надъ нимъ, и воздаяніе.

Боюсь, однакожь, чтобъ отвѣты, какіе каждый изъ насъ можетъ представить на сказанные вопросы, не послужили къ вящему насъ обвиненію. Посмотрите на церковную жизнь православнаго общества. Какое грустное явленіе представляетъ она! Одни отступаютъ отъ хрстіанской вѣры, какъ отъ міросозерцанія, несоотвѣтствующаго высотѣ и широтѣ ихъ взгляда; другіе уклоняются въ расколь и ереси, какъ богопочтеніе, наиболѣе удовлетворяющее ихъ мысль и чувство. Да и изъ тѣхъ, кто считается въ нѣдрахъ православной церкви состоящими, многіе ли живутъ по хрстіански? Нормально-ли такое положеніе? Гдѣ же причины его? Церковь, Христомъ основан-

ная, и вѣра Имъ проповѣданная, представляютъ намъ такую высоту, широту, ясность и законченность міросозерцанія, что человечество никогда не выростетъ, не выйдетъ изъ границъ, ею очертыаемыхъ, какъ бы ни были велики успѣхи наукъ. Величайшіе умы всѣхъ временъ благоговѣли и благоговѣютъ предъ ученіемъ Христовой церкви, находятъ и находятъ разъясненія насущныхъ вопросовъ жизни, ею представляемыхъ, совершенно успокоительными. Значить, если въ наше время нашлись мечтатели, которымъ кажется, что ученіе Христовой вѣры ниже ихъ высокоумія, то причины тому не въ вѣрѣ православной. Гдѣ же? Указываютъ на школу, будто школа при преподаваніи естественныхъ наукъ дѣйствовала неосторожно, въ подрывѣ религіознаго чувства неокрѣпшихъ и впечатлительныхъ молодыхъ людей, и тѣмъ постепенно отвратила ихъ отъ православной вѣры. Ужели это правда? Вѣдь въ нашихъ школахъ есть законоучители. Отчего же ихъ слово осталось безъ жизни, ихъ вѣра и молитва—безъ вліянія на тѣже молодые и впечатлительные умы? Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и многіе другіе слушали свѣтскія науки и вовсе въ языческихъ школахъ, гдѣ конечно не щадили христіанской вѣры. Однакожь школа не имѣла на нихъ злокачественнаго вліянія. Возмужавъ, они стали для своего времени (и останутся на всегда) свѣтильниками міра христіанскаго, столпами православія. — Скажутъ ли, что семьи, въ которыхъ воспитались эти святители, были образцами христіанскаго благочестія? — А наши семьи отчего не таковы? Вѣдь никогда никакая семья не была оставлена безъ духовнаго надзора и попеченія священника — Скажутъ ли священники, что насъ не принимаютъ въ среду семей образованныхъ, высшихъ классовъ? Отъ чего? — Не значить ли это, что мы ниже своего призванія, по неразвитости нежелательны въ кругу людей образованныхъ, что ни слова умнаго, ни жизни назидательной не представляемъ и не общаемъ. Предубѣжденіе не могло же составитья безъ всякой причины

Впрочемъ оставимъ многознающихъ. Если они дѣйствительно яснѣй видятъ настоящій путь къ истинѣ, то могли бы и

сами своимъ умомъ оцѣнить превосходство христіанской вѣры, хотя бы мы и не исполняли нашей обязанности. Спустимся ниже, въ среду людей малообразованныхъ, или вовсе неграмотныхъ. Отчего у нихъ отступленія отъ православной вѣры? Отчего за совѣтомъ и наставленіемъ въ вѣрѣ идетъ темный чело-вѣкъ къ такому же простецу и темному чело-вѣку, а не къ священнику? Отчего онъ отъ простолюдина принимаетъ разъясненіе своихъ недоумѣній, а не отъ священника? Не ясно ли, что священникъ не расположилъ къ себѣ своихъ прихожанъ, не пользуется ихъ довѣріемъ, можетъ быть своею притязательностью, или высокомернымъ обращеніемъ, даже невазидательною жизнію оттолкнулъ ихъ отъ себя? Невольно припоминается слово Господне къ пророку Іезекіилю: „Оде пастыри израилевы! Еда пасутъ пастыри самихъ себе? Не овецъ ли пасутъ пастыри?—Се млеко ядите, и волною одѣваетея, и тучное закалаете, а овецъ моихъ не пасете: изнемогающаго не подъяете, болящаго не уврачеваете, сокрушенное не обязаете, заблуждающаго не обратисте, погибшаго не взыскаете, крѣпкаго оскорбисте трудомъ, и властію наказаете я и наругавіемъ. И разсыпашася овецъ, понеже не имѣяху пастырей... Того ради, пастырие, слышите слово Господне: се Азь на пастыри! Взыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ и отставлю я отъ паствы овецъ моихъ и не будутъ пасти ихъ пастыри“ и пр. (Іезек. XXXIV, 3—10).

Не то хочу сказать я, что мы — и только мы одни — виноваты во всѣхъ безпорядкахъ въ жизни православнаго общества. Хочу только обратить вниманіе сотрудниковъ моихъ сопастырей на дѣло, всѣхъ насъ касающееся, представляю случай провѣрить себя, осмотрѣться и выяснить себѣ, на сколько виноваты мы въ этомъ? Все ли мы сдѣлали, что сдѣлать были должны?

„Стража дахъ ты дому израилеву“, говоритъ Господь пророку Іезекіилю, священнику ветхозавѣтной церкви. Слова эти должны быть напечатлѣны въ умѣ и сердцѣ cadaго священника церкви Божіей. Мы стражи при домѣ Божіемъ. Нашему попеченію и вѣрности ввѣрилъ Господь самое дорогое сокрови-

ще — души человеческія Словомъ здравымъ, солю благодати раствореннымъ, надо укрѣплять ихъ въ вѣрѣ, отражая въ то же время и погрѣшительныя ученія своевольнаго ума и богосборныя стремленія развращеннаго сердца; примѣромъ благочестія и доброй жизни облегчать имъ исполненіе воли Божіей; молитвою и таинствами очищая прираженія къ нимъ грѣховной нечистоты, освящать въ сосудъ благодати и такимъ образомъ постепенно готовить ихъ къ блаженной жизни въ царствѣ Христовомъ, по смерти насъ ожидающемъ. Потребна ревность Или и самоотверженная любовь Моисея, или Павла, чтобы точно — богоугодно исполнить обязанность, принятую нами на себя вмѣстѣ съ честію священства. Имѣемъ ли мы эти качества? Эту ревность о славѣ Божіей, эту любовь къ Богу и ближнему? — Если не сознаемъ ихъ дѣйствія въ себѣ, по крайней мѣрѣ молимся ли Богу о помощи, и съ своей стороны стараемся ли самопонуженіемъ вызвать, развить, усилить, укрѣпить ихъ дѣйствія въ себѣ? Хотимъ или не хотимъ, но мы должны это сдѣлать, должны употребить всѣ, зависящія отъ насъ мѣры, чтобы стать на высотѣ принятаго нами достоинства!

Осмотримся, обдумаемъ наше положеніе и примемся за дѣло.

1) Прежде всего благоустроимъ нашу домашнюю жизнь. Пусть она будетъ образцомъ мира, труда, трезвости и нравственной чистоты. И наша бесѣда, и наши поступки, и обстановка, и всякая даже мелочная вещь нашего хозяйства пусть всякому говорятъ, что онъ видитъ христіанское семейство, христіанское ученіе въ жизни, на практикѣ, и видя наше богобоязненное жигіе полюбитъ бы оное и прославитъ Бога (1 Петр. II, 12; III, 2).

2) Порядокъ, тишину и чувство благоговѣнія, обитающія въ нашихъ домахъ, перенесемъ и въ дома нашихъ прихожанъ. При посѣщеніяхъ ихъ, для исправленія ли какихъ либо христіанскихъ требъ, или просто для пастырскихъ бесѣдъ о вѣрѣ православной и нашихъ христіанскихъ обязанностяхъ, не оставимъ

ихъ безъ утѣшеніи и назиданія. Степенная веселость лица, развязность рѣчи и дѣйствій въ границахъ приличія и самоуваженія, слово скромное, привѣтливое и вся наша внѣшность пусть будутъ поучительны, располагающи. Рѣчь у меня не о заискиваніи, или о поддѣлкѣ подъ вкусъ, но о христіанскомъ настроеніи мыслей и чувствъ, а чрезъ то — и объ упроченіи довѣри и расположенія прихожанъ къ священнику. Знаю, что дѣло это не безтрудное, если къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей священникъ будетъ относиться холодно, формально. Но знаю и то, что кто полюбитъ Господа Иисуса, тотъ полюбитъ и прихожанъ своихъ, и по этой любви всякій трудъ на ихъ душевную пользу покажется ему легокъ; причемъ слова и поступки такого священника будутъ сами собою естественно назидать и привлекать.

3) Во время совершенія молитвословій остережемся разсѣянности и неблагоговѣнія. Чтеніе неторопливое, внятное, пѣніе согласное, умиротворяющее, дѣйствія осмысленныя, приличные обряду, должны вызывать и поддерживать молитвенное настроеніе и благоговѣніе присутствующихъ. Особенная заботливость о семъ должна быть употреблена нами при совершеніи священнодѣйствія въ церкви, гдѣ все пусть будетъ (какъ и должно быть по апостолу) не только благообразно, но и почину, данному намъ въ уставѣ. Не думайте, что самочинное уклоненіе отъ требованій устава проходитъ безъ вредныхъ послѣдствій.

Въ этомъ случаѣ и нерадивые священники, а по ихъ винѣ и ихъ прихожане, лишаются благодатныхъ воздѣйствій и Божіей помощи, какія они надѣялись и могли бы получить при благоговѣйномъ и послушномъ исполненіи церковной заповѣди. Кроме того, легкомысліе въ этомъ дѣлѣ пролагаетъ путь и вызываетъ наклонность къ своеволю и во всемъ прочемъ. Какъ важно это обстоятельство, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ ведетъ оно, всякому священнику должно быть понятно.

4) Поучая прихожанъ нашею жизнью и дѣятельностію, ова-

ботимся наставлять ихъ и словомъ. Сверхъ церковной проповѣди по существующему обычаю, устроимъ еще постоянныя въ воскресные и праздничные дни собесѣдованія о вѣрѣ и христіанской жизни. Собесѣдованія эти будемъ вести въ порядкѣ, систематически, по заранѣе обдуманному плану; причемъ постараемся и слушателей своихъ вызывать на вопросы. Эти вопросы значительно облегчатъ дѣло назиданія, покажутъ въ спрашивающемъ степень его духовнаго возраста, предметъ недоумѣнія, даже — частнѣе — что именно въ этомъ предметѣ христіанскаго вѣрованія требуетъ объясненія. Весьма полезно, а иногда даже необходимо въ теченіи такихъ собесѣдованій почитать такую либо книгу, напр. жизнеописаніе какого либо святаго, толкованія на книги священнаго писанія, или на службы церковныя, на обряды при совершеніи таинствъ и проч., вообще такую книгу, въ которой излагается что либо, въ разъясненіи чего нуждается приходъ данной мѣстности.

5) Школа и преимущественно преподаваніе въ ней закона Божія должны составлять весьма важный предметъ нашей заботливости. Дѣти легче усвояютъ сообщаемыя имъ знанія; и что отчетливо, твердо усвоено въ дѣтствѣ, то у человѣка остается на всю его жизнь. Значитъ, кто сумѣетъ заложить въ дѣтское сознаніе вѣру въ Бога, въ Его Промыслъ и домостроительство нашего спасенія, тотъ не только обезпечитъ его принадлежность св. церкви, но и приготовитъ изъ него добраго, понятливаго слушателя своихъ объясненій и собесѣдованій, въ иныхъ же случаяхъ даже надежнаго помощника въ отношеніи вліянія на заблуждающихъ. Съ грустію вынужденъ заявить, что мнѣ нерѣдко доводилось получать жалобы сельскихъ обществъ, земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ на священниковъ, что они не посѣщаютъ школъ, не учатъ дѣтей Закону Божию. Слышалъ и оправданія такихъ священниковъ. Чаше указываютъ на то, что „общество мало положило жалованья за уроки по Закону Божию, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе никакого не положило вознагражденія; поэтому и не посѣщаютъ школы, въ предположеніи такою мѣрою вынудить вознагражденіе за свой трудъ по школь“. Развѣ это оправданіе? Вѣдь учить закону

3*

Божію (и дѣтей, и взрослыхъ) есть наша обязанность; мы должны учить своихъ прихожанъ, хотя-бы они и вовсе не давали намъ жалованья. Прихожане дѣлаютъ худо, если отказываютъ своему священнику въ вознагражденіи за трудъ. Они обязаны доставлять священнику, (а священникъ въ правѣ ожидать отъ прихожанъ) все необходимое для жизни, дабы—какъ говорилъ апостолъ—священники могли исполнять свои обязанности съ радостію, а не воздыхающе, такъ какъ стѣсненіе въ его жизненныхъ потребностяхъ не полезно прихожанамъ. Но неисполненіе обязанностей другими, развѣ даетъ мнѣ право уклоняться отъ исполненія лежащихъ на мнѣ обязанностей? Худой поступокъ другаго не оправдываетъ меня въ моей неисправности. Намъ указано: *злое побѣждать благимъ!* А что будетъ, если прихожане, не смотря на замысловатый протестъ священника, не положить жалованья за уроки по закону Божію? Тогда—какъ быть съ дѣтьми? Такъ они и должны оставаться безъ наученія въ вѣрѣ? Между тѣмъ печальники просвѣщенія народа наметутъ разнаго сору въ голову и сердце ребенка, оставленнаго безъ нашего надзора и руководства! Кому мы руки то свяжемъ? Кому будетъ труднѣе? Нѣтъ! Благодарить надо начальство и преимущественно Благочестивѣйшаго Государя, что намъ открываютъ двери училища; сколько есть силъ воспользоваться предоставляемою намъ возможностью исполнить нашу обязанность. Напоминать прихожанамъ, что они должны вознаграждать нашъ особый трудъ особымъ положеніемъ—и можно, и должно. Представлять о томъ и начальству нисколько не предосудительно. Но вымогать—и не хорошо, и не полезно. Дѣлайте ваше дѣло усердно. Заботу же объ обезпеченіи вашемъ предоставьте начальству, оно не забудетъ (и не забываетъ) о нуждахъ вашихъ, и когда можно употребить свои мѣры, не унижая вашего достоинства и не вредя дѣлу.

Не болѣе основательна и отговорка неумѣньемъ, неопытностію вести преподаваніе въ школахъ. Неумѣнье и неопытность не слагаютъ съ насъ принятой нами обязанности; напротивъ, онѣ налагаютъ сверхъ этой еще одну обязанность—усердно потрудиться пріобрѣсти опытность и умѣнье, въ которыхъ чув-

ствуется недостатокъ. Въ этомъ случаѣ много поможетъ совѣтъ опытнаго, умѣющаго человѣка. Хорошо сдѣлаютъ священники, если при нерѣдкихъ свиданіяхъ своихъ будутъ обмѣниваться мыслями о мѣрахъ къ лучшему преподаванію и сообщать другъ другу свои опыты и наблюденія по этому предмету. Можно бы даже и нарочито устраивать съѣзды для подобныхъ совѣщаній, гдѣ и свои и чужія наблюденія, съ пользою занявъ вниманіе собесѣдниковъ, составили бы хорошее подтвержденіе для менѣе опытныхъ и воодушевили бы ихъ на дѣло.

Наконецъ 6) чтобъ не продолжать слова болѣе потребностей, скажу вкратцѣ: надо намъ постоянно молиться ко Господу о помощи въ нашихъ занятіяхъ, о благословеніи нашихъ трудовъ; надо полюбить порученное намъ дѣло Божіе. Въ согрѣтомъ любовію сердцѣ оживетъ и надежда, слѣд. будетъ дѣйствовать и молитва; кромѣ того, любовь и сама по себѣ изобрѣтательна. Она укажетъ и путь, и средства къ цѣли, облегчитъ и трудъ, неизбѣжный для достиженія ея. Въ числѣ священнослужителей, — моихъ сотрудниковъ, — есть люди, которые своею пастырскою дѣятельностію доказываютъ вѣрность высказанныхъ мыслей. Не называю этихъ достойныхъ людей по именамъ. Они, какъ звѣзды на безоблачномъ небѣ въ темную ночь, ярко выдѣляются, всѣми видимы и имѣющимъ глаза всѣмъ извѣстны. Въ церкви у нихъ тишина, чистота, порядокъ во всемъ; по приходу — со стороны священника — отеческая заботливость объ удовлетвореніи религіозныхъ нуждъ прихожанъ, а отъ прихожанъ нелицемѣрное уваженіе и послушаніе къ священнику. Есть у нихъ церковныя попечительства, и школы для дѣтей, даже вечернія школы для взрослыхъ; по праздникамъ ведутся общія собесѣдованія о предметахъ вѣры и жизни христіанской, — словомъ, есть все, что можно было бы пожелать для усиленія свѣта христіанской вѣры въ народѣ. При томъ есть не трудъ только, но — что особенно важно — есть и благословеніе Божіе — успѣхъ въ ихъ дѣланіи. Съ любовію и уваженіемъ останавливаюсь я мыслию на этихъ, правда, не многихъ, но тѣмъ болѣе дорогихъ личностяхъ, съ которыми Господь судилъ мнѣ трудиться на нивѣ Божіей. На ихъ примѣръ ссылаюсь и

утверждаю, что *трудъ*, къ которому и теперь приглашаю, не превышаетъ силъ человѣческихъ, *успихъ* въ немъ не безнадеженъ, потерянное *уваженіе*—можетъ быть возвращено, *положеніе*—обезпечено.

Одумаемся, братіе! Примемся за дѣло, которое обѣщали Богу, и будемъ усердно дѣлать его до вечера, *дондеже день есть*. Придетъ ночь, егда никто же можетъ дѣлать (Іоан. IX, 4), тогда пожалѣемъ, но будетъ ужь поздно!

Миръ и Божіе благословеніе да почиетъ на послушныхъ и усердныхъ дѣлателяхъ въ оградѣ Божіей. *Непокоривый* же и *своевольный* знай, что онъ *непокоривъ не предъ челоукомъ, но предъ Богомъ, Который далъ намъ Духа Своего Святаго* (1 Тессал. IV, 8) и власть дѣйствовать на созиданіе Христовой церкви, а не на разореніе (2 Кор. XIII, 10). Власть эту мы и не приминемъ употребить тамъ, гдѣ не примѣтимъ созиданія, а еще скорѣе и строже тамъ, гдѣ усмотримъ *разореніе* христіанской жизни во ввѣренной намъ паствѣ.

Гурій, епископъ таврическій.

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 18,

15-го СЕНТЯБРЯ

1875 года.

СОДЕРЖАНІЕ.—Цѣль общественнаго богослуженія (окончаніе).—Составъ еврейскаго канона (продолженіе).—Результатъ 2 й богословской конференціи въ Боннѣ.—Какъ понимать встрѣчающіеся въ Номоканонѣ слова: Вуркулаки и Антисикотіи?

ЦѢЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО БОГОСЛУЖЕНІЯ.

(Окончаніе).

Вторая цѣль общественнаго Богослуженія.

Нравственная цѣль. Поддержаніе и дальнѣйшее развитіе христіанской вѣры и жизни.

Второю главною цѣлію общественнаго богослуженія представляется сохраненіе и продолженіе христіанской вѣры, духа и жизни, или другими словами: осуществленіе христіанскаго откровенія и искупленія. Эта цѣль имѣетъ совершенно нравственный характеръ.

1) Назиданіе, состоящее въ возбужденіи, воспитаніи и возвышеніи въ членахъ Церкви чувствъ вѣры, надежды и любви.

Существенная составная часть въ православной цѣли общественнаго богослуженія есть та дѣятельность, которую мы назы-

ваемъ назиданіемъ. Это внутренне возвышеніе ума и чувства къ Богу и божественному, или христіанское сознаніе, ставшее живой вѣрой, благочестіемъ, любовію и жизнію. Общество вѣрующихъ именно должно быть укрѣплено въ вѣрѣ и исполнено благочестивыхъ мыслей и чувствованій; ея внутренней духовный, религіозно нравственный ростъ, внутреннее строеніе царства Божія въ немъ должны быть ускоряемы; должны расти живыя чувства благоговѣнія, поклоненія, страха и любви къ Богу, довѣрія, смиренной преданности Ему, стремленіе къ примиренію и соединенію съ Нимъ и Его благодатію. Христіанскимъ богослуженіемъ должны быть питаемы: приверженность къ святому, сознаніе нашихъ высшихъ, вѣчныхъ отношеній, — однимъ словомъ, благочестивое, святое настроеніе души, христіанское благочестіе. Последнее, гдѣ оно находится, должно быть поддерживаемо, питаемо и возвышаемо богослуженіемъ, а гдѣ его нѣтъ, — пробуждаемо имъ. Все мірское должно здѣсь умолкнуть, всѣ забавы вѣшняго міра должны отступить на задній планъ, человѣкъ долженъ постигать чувствомъ свои высшія отношенія и надежды, свое назначеніе для вѣчности, долженъ снова воспринимать впечатлѣнія и ощущенія высшаго рода, и торжествовать моменты своего высшаго бытія.

Что касается въ особенности освященія и укрѣпленія воли, то цѣль назиданія заключаетъ это въ себѣ, какъ существенную составную часть; такъ какъ благочестіе вообще образуетъ средоточіе христіанской жизни, — оно то и даетъ все нравственное направленіе человѣку. Человѣкъ такимъ образомъ чрезъ свое участіе въ общественномъ богослуженіи долженъ снова воспринимать нравственную силу, благочестивое одушевленіе ради Бога и вѣры истины и добродѣтели, блага и святости. Онъ долженъ возвышаться до живаго сознанія и чувства своей грѣховности и нравственнаго несовершенства; въ немъ должно быть пробуждаемо и питаемо стремленіе къ освященію, къ примиренію съ Богомъ, — и это примиреніе и освященіе должно совершаться такъ, чтобы человѣкъ, снова примиренный, освященный, и укрѣпленный, съ обновленнымъ духомъ и нравственною силою, вновь началъ свою жизнь въ Богѣ.

Что назиданіе есть и должно быть главною цѣлію общественнаго богослуженія, это едва ли нуждается въ дальнѣйшихъ доказательствахъ. Во все время общественное богослуженіе считалось Церковію самымъ лучшимъ учрежденіемъ для проведенія христіанства въ сознаніе и жизнь общества вѣрующихъ, и осуществленія царства Божія на землѣ. Назиданіе стоитъ въ ближайшей связи со всею характеромъ богослуженія, и является естественнымъ ре-

зультатомъ его общей дѣятельности, особенно если смотрѣть на богослуженіе, какъ на выраженіе благочестивой вѣры и чувства. Молясь и покланяясь, прославляя и славослова Бога, духъ все болѣе и болѣе погружается въ священныя глубины божественнаго, болѣе и болѣе проникается и исполняется имъ. Выражая чувство своей грѣховности, свое стремленіе къ Богу и общенію съ нимъ, мы все болѣе и болѣе пробуждаемъ и возвышаемъ въ себѣ эти чувства, и каждое чувство чрезъ свое обнаруженіе, или соотвѣтственное выраженіе доходитъ до болѣе яснаго самосознанія, до большей опредѣленности. Возвышая такимъ образомъ свой нравственный характеръ, оно выигрываетъ въ силѣ и крѣпости, въ теплотѣ и жизненности. И въ самомъ выраженіи уже заключается рефлектирующая сила. Когда проявляется внутреннее, виѣшнее естественно дѣйствуетъ на него возбуждающимъ образомъ. Рѣчь, въ коей высказывается умъ и возбужденное чувство, — такая рѣчь говоритъ уму и сердцу. Какъ живая вѣра, чувство благоговѣнія ищетъ и находитъ для себя выраженіе въ живомъ словѣ, въ молитвѣ, въ пѣніи, въ священныхъ дѣйствіяхъ и символахъ. Такъ это слово, эта молитва, это пѣніе, эти священныя дѣйствія опять отражаются въ душѣ, какъ отзывающееся эхо! Эта мысль пріобрѣтаетъ особенное значеніе, когда мы разсматриваемъ богослуженіе, какъ религіозно—соціальное выраженіе духа христіанскаго общества, и видимъ нравственную силу, лежащую въ идеѣ общества, — возбуждающій духъ, переходящій отъ общества на каждого изъ членовъ его. Приверженность цѣлаго общества къ религіи необходимо внушаетъ уваженіе и благоговѣніе къ святынямъ. Взглядъ на массу людей, собравшихся съ одною цѣлію, живо напоминаетъ о всеобщемъ нашемъ высшемъ назначеніи. Общее благоговѣніе вѣетъ на насъ творчески возбуждающимъ образомъ, пробуждаетъ въ насъ одинаковыя чувства, возвышаетъ и назидаетъ насъ.

2.) Преподаніе христіанскаго утѣшенія и духовной радости.

Существенная составная часть благочестиваго назиданія, которую имѣетъ въ виду богослуженіе, состоитъ еще въ томъ, что мы возвышаемся здѣсь надъ несовершенствами и страданіями жизни, снова пріобрѣтаемъ утѣшеніе и миръ душевный, мужество и надежду на Бога, такъ что надломленное сердце снова укрѣпляется силой благочестивой вѣры. Внутреннее сродно этой цѣли и способствуетъ ей дальнѣйшая, имѣющая въ виду то, чтобы человекъ чрезъ свое участіе въ общественномъ богослуженіи радовался своей вѣрѣ, наслаждался ею какъ своимъ благоговѣніемъ и благочестіемъ, ликовалъ въ виду общенія съ Богомъ, при своемъ высшемъ призваніи, и вообще былъ участникомъ въ той высшей ра-

дости и блаженствъ духа, до коихъ желаетъ возвысить человѣка духъ христіанской морали, до коихъ можетъ возвысить только жизнь въ Богѣ и въ вѣрѣ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что общественное богослуженіе имѣетъ въ виду и эту цѣль, такъ какъ она неразрывно соединена со всей его дѣятельностію, и такъ какъ то внутреннее благочестивое удовольствіе, то радостное настроеніе нашего духа является уже естественнымъ результатомъ общей дѣятельности богослуженія. Внутреннее удовлетвореніе, получаемое человѣкомъ чрезъ дѣйствительное проявленіе во внѣ своего благочестія, пріобрѣтаемое чрезъ это внутреннее умиротвореніе съ самимъ собою и удовлетвореніе глубочайшихъ потребностей духа, — возвышеніе надъ низшей жизнью съ мыслию о Богѣ и сознаніемъ нашихъ высшихъ надеждъ, таинственная, возвышающая сила живой вѣры и нашего общенія съ Богомъ, — что Богослуженіе стремится осуществить, — низхожденіе общественной благодати въ нашу душу, обще-братскій элементъ богослуженія, и все гармоническое, общественно — человѣческое, общее впечатлѣніе его, — все это само собой производитъ то высокое внутреннее счастье, ту высокую благочестивую радость духа, которую всѣ мы произвольно испытываемъ при нашемъ участіи въ достойно совершенномъ богослуженіи, которое есть предвкушеніе будущаго блаженства, и которое имѣетъ въ тоже время высокое нравственное значеніе, такъ какъ оно побуждаетъ человѣка быть добрымъ при видѣ несовершенствъ временной жизни и многихъ темныхъ сторонъ ея, и постоянно съ радостію и ничѣмъ не возмущаемой нравственной силой проходить свое земное званіе.

О принятіи этой цѣли вовсе не можетъ возникнуть сомнѣнія, такъ какъ она существенно соединена съ духомъ христіанской жизни, споспѣшествовать развитію которой имѣетъ задачу Богослуженіе во всѣхъ его составныхъ частяхъ. Христіанинъ по духу Евангелія долженъ проходить жизнь и служить Господу не съ мрачной печалію, а съ полнымъ высокимъ довѣріемъ къ Богу, съ радостнымъ убѣжденіемъ въ вѣрѣ, съ священнымъ сознаніемъ правды, но и съ искреннею радостію ума и сердца въ Богѣ. Уже во всей основной мысли христіанства, въ искупленіи, въ побѣдѣ благодати и жизни надъ грѣхомъ и смертію, лежитъ нѣчто высоко — радостное, торжественное, побѣдоносное. Уже въ первыхъ церковныхъ собраніяхъ богослуженіе имѣло эту печать, особенно православное богослуженіе во всѣ времена давало ей замѣтное мѣсто. Во всѣхъ учрежденіяхъ Православной Церкви и формахъ Православнаго богослуженія видно нѣчто побѣдоносное, радостное и возбуждающее къ священной радости; всѣ воскресные и праздничные дни Православной Церкви всегда были днями радости. Стоитъ

обратить только вниманіе на всерадостно — торжественное настроеніе духа православной общины послѣ достойно совершеннаго праздничнаго богослуженія, чтобы на дѣлѣ убѣдиться, какъ сильно заботилась Церковь расположеніемъ богослуженія достигнуть и этой цѣли.

3.) *Поддержаніе взаимной любви въ христіанскомъ обществѣ и сознанія общаго братства во Христѣ.*

Къ числу нравственныхъ цѣлей общественнаго богослуженія принадлежитъ особенно еще и та цѣль, которая имѣетъ въ виду чрезъ наше участіе въ богослуженіи — вступленіе наше во внутреннюю, видимую связь съ Церковію. Эта цѣль разсматриваетъ богослуженіе, какъ самое лучшее связующее средство, поставляетъ своею задачею сохранить и поддержать чрезъ богослуженіе нашу вѣрную и добросовѣстную привязанность къ Церкви, вообще церковное настроеніе и духъ общественности.

При великомъ назначеніи Церкви и необходимомъ отношеніи, какое каждый христіанинъ имѣетъ къ ней, при значеніи церковнаго общенія не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія въ томъ, что Церковь имѣла въ виду достиженіе означенной цѣли чрезъ богослуженіе, такъ какъ само собой благопріятствуетъ этой цѣли фактъ существованія общественнаго богослуженія, совершаемаго Церковію.

Въ понятіи Церкви мы должны, впрочемъ, различать двѣ стороны — высшую и низшую, т. е. Церковь управляющую, учащую и совершающую таинства и общую совокупность вѣрующихъ, или общеніе членовъ Церкви между собою. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи богослуженіе имѣетъ еще особенную задачу — сохранять и укрѣплять союзъ братскаго общенія, духъ той внутренней, расширяющей сердце братской любви, которая составляетъ основной законъ христіанской жизни, и которая съ появленіемъ христіанства побѣдоносно ввела въ жизнь кроткій духъ гуманности, взаимнаго самоотверженнаго участія, готовности къ миру и примиренію, кротости, взаимнаго уваженія, любви ко врагамъ, и состраданія и милосердія къ ближнимъ. Христіанство знаетъ только одну любовь, которая имѣетъ средоточіе въ Богѣ и Христѣ, и обращается отъ Бога къ братьямъ во Христѣ. Общественное богослуженіе преимущественно предназначается для того, чтобы сохранять и питать этотъ духъ любви и христіанской гуманности. Въ жизни общественной люди раздѣлены различными положеніями и отношеніями; общественное богослуженіе должно соединять всѣхъ въ одинъ

кругъ любящихъ другъ друга братьевъ. Здѣсь нѣтъ высшихъ и низшихъ; но всѣ имѣютъ одинаковыя преимущества, всѣ соединены одной вѣрой, однимъ духомъ, одною цѣлю, высочайшею общественною цѣлю бытія. Этотъ братски—общественный элементъ осязательно напоминаетъ о равенствѣ нашей природы, нашего достоинства и назначенія, и необходимо долженъ пробуждать и поддерживать духъ любви, общественности и социальнаго уваженія. Всѣ сознаютъ себя соединенными въ одномъ средоточіи, въ одномъ живомъ братствѣ. Это единеніе всѣхъ со всѣми и всѣхъ съ Богомъ и Христомъ. Рѣшительно выступила эта цѣль, какъ богослужебный элементъ, въ 1-мъ періодѣ христіанства.

4.) Выраженіе и поддержаніе нашего общенія съ Церковію невидимую.

Христіанское богослуженіе, какъ мы видѣли, имѣетъ своею задачею представлять христіанскій духъ, какъ онъ выразился въ исторической жизни Церкви, нашу связь со всей Церковію и эту послѣднюю—во всемъ ея универсальномъ объемѣ. Этимъ само собою указывается необходимое отношеніе невидимой Церкви, торжествующей къ православному богослуженію. Къ цѣлямъ его относятся потому и выраженіе воспоминанія, приверженности и продолжающейся любви Церкви воинствующей къ совершеннымъ уже членамъ ея и къ высшимъ духамъ вообще, какъ и посредничество ихъ любви и участія къ намъ. Таково почитаніе и призываніе святыхъ. Равнымъ образомъ—и выраженіе нашей любви и участія къ удаленнымъ изъ среды Церкви воинствующей, но еще несовершеннымъ братьямъ. Такова молитва за усопшихъ. Понятно, какъ обѣ эти части общественнаго богослуженія совпадаютъ съ 1-й и 2-й главной цѣлю православнаго богослуженія.

Третья главная цѣль общественнаго богослуженія.

Приведеніе вѣрующихъ въ единеніе съ Богомъ и преподаніе имъ божественной благодати.

Мы говорили до селѣ о тѣхъ составныхъ частяхъ общественнаго богослуженія, которыя относятся къ сферѣ дѣятельности человѣка, или общества вѣрующихъ. Но въ религіи есть дѣятельное отношеніе не только человѣка къ Богу, но и Бога къ человѣку. Мы не только чувствуемъ стремленіе молиться и поклоняться Отцу духовъ и прославлять Его имя, но и нуждаемся въ Богѣ, въ реальномъ сообщеніи высшихъ силъ. Христіанство въ особенности

есть не только религія свѣта, но и благодати; оно не отвлеченное ученіе и доктрина, а жизнь и источникъ истинной жизни для людей въ соединеніи и общеніи съ Богомъ. Равнымъ образомъ въ христіанствѣ именно основная мысль та, что это соединеніе совершается только чрезъ примиреніе, но что послѣднее осуществляется при помощи высшей силы, и что сообщеніе божественной жизни зависитъ отъ общенія со Христомъ. Это — основное условіе для достиженія благодати и плодовъ искупленія. Но въ это внутреннее общеніе со Христомъ мы вступаемъ не только чрезъ вѣру, чрезъ дѣйственное воспріятіе христіанскаго духа и молитву; но въ связи съ этимъ реальнымъ образомъ чрезъ сокровища христіанскаго спасенія—таинства, такъ что мы достигаемъ благодати искупленія, дѣйствительнаго соединенія съ Богомъ и истинной жизни духовной не чрезъ нравственное только наше отношеніе къ Искупителю, но чрезъ нашу религіозно—нравственную дѣятельность, и реально—чрезъ наши отношенія къ лицу І. Христа въ таинствахъ. Отсюда несомнѣнно выходитъ, что христіанское богослуженіе должно имѣть не только естественную или нравственную, но необходимо и сверхъестественную, таинственную сторону. Въ этомъ, вообще говоря, еще не возникало сомнѣній; доносятся лишь голоса, что таинства не могутъ быть приняты въ общественно—публичное богослуженіе, такъ какъ онѣ предназначены для личнаго употребленія. Это возраженіе опровергается уже тѣмъ простымъ соображеніемъ, что всѣ безъ различія и въ каждое время ощущаютъ общую потребность въ благодати искупленія и общенія со Христомъ, но что сущность общественнаго богослуженія во все не противорѣчитъ индивидуальному, т. е. реальному сообщенію и употребленію этого общенія; общественное богослуженіе составляетъ, напротивъ, условіе для этого. Крімъ того, общественно—публичное богослуженіе уже по своей природѣ есть живое представленіе и сообщеніе религіи и въ ея объективномъ бытіи и во всѣхъ дарахъ ея, и вѣрующіе соединяются не только для выраженія своей общей вѣры и изліянія своихъ благочестивыхъ чувствъ; но и для духовнаго обновленія, для снисканія божественной помощи и пріобрѣтенія высшей жизни. Но, собственно о принятіи таинствъ въ организмъ общественнаго богослуженія вовсе не можетъ быть сомнѣній, когда мы видимъ, какъ самъ Христосъ для этой цѣли учредилъ таинственное дѣйствіе, предназначенное быть средоточіемъ всего богослуженія, *тайную вечерю*, которая, будучи соединена съ самымъ многознаменательнымъ временемъ въ искупительной дѣятельности Христа, должна, какъ таинственная жертва и таинственное причастіе, служить лучшимъ реальнымъ средствомъ для общенія со Христомъ, должна собственно продолжать Его искупительную дѣятельность и индивидуализировать плоды жерт-

вы Христовой. Въ этомъ смыслѣ и *тайная вечеря*, чрезъ все теченіе исторіи христіанскаго богослуженія, отъ Апостоловъ до настоящаго времени вообще и непрерывно разсматривалась и совершалась въ Православной Церкви, какъ органическая составная часть и средоточіе общественнаго богослуженія. Въ этой таинственной сторонѣ общественнаго богослуженія главнымъ образомъ имѣеть основу своего существованія священство; имъ введены въ богослуженіе благословеніе и освященіе даже бездушнѣй природы, чтобы поставить и самую природу подъ власть религіи, чтобы освятить ее на священное служеніе, плодоносіе, и для христіански—разумнаго употребленія. Обращая ближайшее вниманіе на эту цѣль, мы видимъ, что здѣсь Христосъ становится нашей личной субстанціею, что въ насъ дѣйствительно соединяется примиреніе и соединеніе съ Богомъ, и что заключается дѣйствительное фактическое общеніе между Христомъ и искупленными, что Богъ слышитъ насъ, что Его Духъ и благодать нисходятъ въ наше сердце, что высшая жизнь, изливающаяся изъ Него вѣчнымъ потокомъ, сообщается нашему духу и что человѣкъ въ силу этого соединенія и общенія съ Богомъ и принципомъ общественной жизни, дѣлается причастникомъ жизни истинной.

Такъ, само собой развивается изъ сущности христіанства и искупленія сакраментальная цѣль богослуженія, и составляетъ необходимо основу и главную мысль общественнаго богослуженія. Безъ этого богослуженіе не было бы христіанскимъ и лишилось бы всякаго таинственнаго освященія, всякой божественности и высшей силы. Напротивъ, таинства образуютъ собственно высшій пунктъ, а всѣ другія части—замыкающее и завершающее дѣйствіе богослуженія. Ибо, молитва общества вѣрующихъ, поклоненіе, моленіе его о благодати Божіей, только при дѣйствительномъ общеніи со Христомъ получаетъ свое полное значеніе и исполненіе. По сему *два* фактора составляютъ основу общественно—публичнаго богослуженія, дѣятельность *Божественная* и *человѣческая*, —возвышеніе человѣка къ Богу и снисхожденіе Бога къ человѣку. Въ немъ—въ христіанскомъ богослуженіи—открываются духъ Божественный и человѣческій. Здѣсь встрѣчаются объективные и субъективные моменты религіи; поклоненіе и благодать, высочайшее просвѣтленіе человѣческаго благочестія, и высочайшій актъ любви и милосердія Божія соединяются въ одно великое цѣлое!

СОСТАВЪ Еврейскаго канона.

(Продолженіе.)

Пособія для изслѣдованія еврейскаго языка.

Пособія для вѣрнаго и основательнаго пониманія еврейскаго языка, вымершаго болѣе чѣмъ за 2000 лѣтъ и недостаточно сохранившагося лишь въ немногихъ остаткахъ ветхозавѣтной литературы, имѣютъ характеръ историческій, филологическій и философскій.

1. *Историческія* пособія—это а) *іудейское преданіе* въ произведеніяхъ раввиновъ, особенно іудейскихъ Грамматиковъ, лексикографовъ и комментаріяхъ среднихъ вѣковъ. б) *Древніе переводы* ветхаго завѣта, особенно іудейскіе парафразы, александрійскій переводъ, сирскій *пешито*, *Вульгата Иеронима* и арабскій переводъ Р. Саади Гаона. Такъ какъ, однако, эти источники были искажены, потому что раввины часто не различали традиціональнаго отъ ихъ собственныхъ догадокъ, а древніе переводчики частію неточно переводили, частію же обнаруживали недостаточное пониманіе текста: то для основательнаго и вѣрнаго изслѣдованія еврейскаго языка должны быть взяты во вниманіе еще и другія пособія.

2. Къ *филологическимъ* пособіямъ относятся а) *сравненіе отдѣльныхъ* словесныхъ явленій между собою, которыя взаимно дополняютъ и объясняютъ себя; α) въ *грамматическомъ* отношеніи тѣ между готорыми формами языка, которыя носятъ слѣды, древнѣйшаго, давно забытаго словообразованія и потому даютъ намеки на основаніе и происхожденіе настоящаго, именно такъ называемыя неправильныя формы, которыя болшею частію принадлежатъ къ наидревнѣйшимъ, тѣксктивы, которыя содержатъ въ себѣ устарѣлыя формы и потому замѣнены мазоретами обыкновенными формами, *пошпа ргоргіа*, въ которыхъ открывается нѣкоторое утерянное нѣкогда богатство языка, наконецъ сравненіе древнѣйшихъ и позднѣйшихъ формъ языка въ различныхъ произведеніяхъ ветхаго завѣта; β) въ *лексикальномъ* отношеніи *контекстъ* и *параллельныя мѣста*, потому что часто значеніе слова узнается изъ связи и подтверждается параллельными мѣстами, и *этимологія* посредствомъ которой съ увѣренностію опредѣляется значеніе происхожденія изъ существующихъ еще корней, но не можетъ быть узно значеніе самыхъ коренныхъ словъ изъ отдѣльныхъ буквъ. б) *Сравненіе прочихъ семитическихъ діалектовъ*, которое

имѣетъ величайшее значеніе не только при объясненіи еврейскихъ словъ, но и при изслѣдованіи грамматическаго построенія еврейскаго языка, коль скоро оно не органичивается однимъ діалектомъ и не дѣлается поверхностно, но простирается на всѣ, проникаетъ во внутреннее существо ихъ и обращаетъ вниманіе на особенный характеръ cadaго діалекта въ частности.

3. Къ философскимъ пособіямъ должно отнести принятіе во вниманіе общей *аналогіи языка*, которую, однако, можно получить не на основаніи абстрактныхъ спекуляцій о характерѣ и сущности языковъ, но только чрезъ основательное изученіе корней другихъ языковъ, особенно же широкоразвѣтвленнаго индогерманскаго корня языка, который въ своемъ продолжительномъ ходѣ развитія, принеши въ сознаніе законы человѣческаго языка, болѣе чѣмъ какой либо другой, можетъ быть вѣрно понятъ и съ пользою примѣнимъ къ дѣлу.

Впрочемъ истинно научное изслѣдованіе еврейскаго языка вполне условливается правильнымъ употребленіемъ того пособия, весьма различнаго по его абсолютному достоинству и его относительной пользѣ, опредѣлить которое правилами можно только приблизительно, вполне изучить только посредствомъ зрѣлаго опыта.

ИСТОРИЯ ВНѢШНЯГО ВИДА ВѢТХОЗАВѢТНАГО ТЕКСТА.

Первоначальная форма ветхаго завѣта.

Хотя о первоначальной формѣ, какую имѣлъ ветхій завѣтъ до заключенія канона, нигдѣ не упоминается, однако не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ написанъ на пергаментѣ, въ древнемъ форматѣ свитка, черниломъ, въ древнееврейскомъ характерѣ письма, безъ гласныхъ знаковъ и удареній и безъ общихъ раздѣленій по стихамъ, главамъ и смыслу, такъ что такъ называемый мазоретскій характеръ письма развился только позднѣе изъ древнѣйшаго письма, нынѣшніе гласные знаки и ударенія только позднѣе вошли въ текстъ, раздѣленія на стихи, главы и отдѣленія введены также постепенно, послѣ чего текстъ получилъ, наконецъ, тотъ видъ, какой имѣетъ онъ въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ.

Измѣненія характера еврейскаго письма.

Изъ двухъ главныхъ видовъ письма, употреблявшихся у Іудеевъ, письмо, сохранившееся на маккавейскихъ монетахъ, безспорно болѣе всего родственно древнееврейскому письму, если не

совершенно тождественно съ нимъ, хотя оно, по причинѣ большаго сходства съ самаританскимъ письмомъ, часто называлось самаританскимъ. Но и того и другаго рода шрифты въ свою очередь указываютъ на древнефиникійскій алфавитъ, какъ изъ него образовавшіеся, такъ что до времени плѣна мы имѣемъ право предполагать существованіе одинаковаго шрифта у евреевъ, Финикійцевъ и Самаритянъ.

Позднѣйшаго происхожденія и, по іудейскому преданію, принесенный Ездрую изъ Вавилонскаго плѣна есть *квадратный шрифтъ*, находящійся въ дошедшихъ до насъ еврейскихъ рукописяхъ, называемый обыкновенно *ketav aschschurij* (ассирійскимъ письмомъ). Въ основаніи этого преданія можетъ лежать та истина, что съ распространеніемъ послѣ плѣна арамейскаго (халдейскаго) языка между іудеями и вслѣдствіе пробужденной Ездрую ревности къ изученію священныхъ произведеній вошелъ въ употребленіе квадратный шрифтъ и мало по малу вытѣснилъ древнѣйшій видъ письма; но формальная замѣна одного вида письма другимъ и непосредственное введеніе квадратнаго письма вмѣсто древнѣйшаго не могутъ быть приняты по самой сущности дѣла, потому что безъ внѣшняго принужденія народы также рѣдко замѣняютъ свое письмо другимъ, какъ и свой языкъ. Измѣненіе чертъ письма скорѣе мало по малу произошло само собой, потому что древне-семитическій видъ письма съ теченіемъ времени, въ силу скорописнаго принципа порожденнаго продолжительнымъ употребленіемъ письма, или вслѣдствіе стремленія къ ускоренію письма, перешелъ въ курсивный шрифтъ, остатки котораго сохранились на древнѣйшихъ и позднѣйшихъ арамейскихъ памятникахъ, потомъ въ силу каллиграфическаго принципа, или вслѣдствіе стремленія къ красотѣ письма, изъ этого курсивнаго шрифта образовался квадратный.

Хотя время образованія квадратнаго шрифта нельзя точно опредѣлить, однако уже изъ тѣхъ фактовъ, что всѣ описанія, которыя дѣлаютъ *Талмудъ* и *Иерусалимъ* еврейскимъ фигурамъ буквъ, строго примѣнимы къ квадратному алфавиту, что слѣды его встрѣчаются уже въ *Мишна* и что въ *Талмудѣ*, у *Иеронима* и даже у *Оригена* измѣненіе шрифта представляется неизвѣстнымъ Ездрую, ясно видно, что оно не могло послѣдовать въ 4 в., даже во 2 или 1 в., по Р. Х. Кромѣ того, если взять во вниманіе, что по мат. 5, 18, уже во времена Іисуса Христа законъ не былъ писанъ древнееврейскимъ шрифтомъ, что со введеніемъ въ употребленіе квадратнаго шрифта для священныхъ произведеній древнѣйшій характеръ шрифта не тотчасъ былъ совершенно вытѣсненъ,

но еще долгое время сохранялся и, по причинѣ древности его, употреблялся еще на маккавейскихъ монетахъ, и что Самаряне приняли его въ Пятикнижіе, но Іудеи изъ за вражды къ нимъ предпочли курсивный шрифтъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ имъ чрезъ арамейскіе парафразы, употребляемые при богослуженіи, и развили въ каллиграфической квадратной формѣ: то происхожденіе его можетъ относиться ко временамъ Ездры, хотя полное образованіе его въ настоящемъ видѣ послѣдовало позднѣе.

Названіе *ketav aschschurij*, вслѣдствіе неисторическаго характера талмудическихъ показаній, хотя не можетъ служить основаніемъ къ опредѣленію мѣста и времени происхожденія квадратнаго шрифта: однако и то обстоятельство, что виды письма, составляющіе переходъ отъ древнѣйшаго къ новѣйшему письму, сохранины только на арамейскихъ памятникахъ, несколько не говоритъ противъ Вавилона и за Сирію. Если Вавилоняне и Сиріяне первоначально имѣли *одинъ* языкъ и *одно* письмо, то послѣднее, именно въ Вавилоніи, очень рано могло перейти въ скорописное письмо, которое могли заимствовать Іудеи. Ибо въ позднѣйшее время, когда Іудеи довольно высоко чтили свои священныя произведенія, не было повода замѣнять свое отечественное письмо иноземнымъ.

Древнѣйшіе гласные знаки.

Сильный споръ, поднятый за 200 лѣтъ, о древности еврейскихъ гласныхъ знаковъ кончился во второй половинѣ прошлаго столѣтія общимъ признаніемъ позднѣйшаго происхожденія ихъ, но остались необъясненными ни характеръ первоначальной вокализациі и гласные знаки, ни историческое развитіе мазоретской системы гласныхъ буквъ.

Еврейское письмо никогда не было простымъ консонантнымъ письмомъ, но сперва оно имѣло три гласныхъ знака для гласныхъ а, і и у, изъ которыхъ, однако, первая (а) замѣчалась только при вдыханіи, при выдыханіи же не замѣчалась и, какъ въ египетскомъ и санскритскомъ всякая согласная, произносилась съ гласною А. Сперва и въ языкѣ господствовалъ звукъ А, и лишь съ дальнѣйшимъ развитіемъ его стали чаще употребляться другія гласныя і и у, е, о, еи и ау. Но развитіе письма имѣетъ неоднаковый ходъ съ развитіемъ языка, такъ что гласные знаки и) употреблялись не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ формахъ. Этою простою вокализациею довольствовались дотолѣ, пока языкъ былъ живымъ, подобно арабскому языку нынѣшняго времени, потому что недостатокъ гласныхъ знаковъ вознаграждался опредѣленностію

и точнымъ знаніемъ живаго языка. Однако въ позднѣйшихъ произведеніяхъ ветхаго завѣта уже замѣчается развитіе гласныхъ знаковъ въ болѣе частомъ употребленіи такъ называемаго skriptio plena. Но во времена александрійскаго перевода вокализація еще не достигла позднѣйшаго совершенства ея, и потому во многомъ отстываетъ отъ нынѣшней. Въ болѣе опредѣленномъ видѣ является она въ таргумѣ; въ Талмудѣ же и у Іеронима она уже вполне упрочена и въ существенномъ согласна съ позднѣйшею, хотя ни Талмудъ ни Іеронимъ не указываютъ слѣдовъ гласныхъ знаковъ.

Происхожденіе мазоретской системы гласныхъ знаковъ.

Между тѣмъ какъ непунктированный текстъ, вслѣдствіе неопредѣленности своей, очень благопріятствовалъ талмудистамъ въ достиженіи догматико-юридическихъ ученыхъ цѣлей, даже необходимъ былъ, такъ что они строго держались правила: традиціонное слово не можетъ быть письменнымъ: по довершеніи Талмуда, явилась потребность, вызванная неблагопріятными условіями, въ письменномъ упроченіи общаго устнаго преданія, и вела къ образованію теперешней мазоретской системы гласныхъ знаковъ, которая такъ искусственна и запутана, что она не можетъ быть признана произведеніемъ одного мужа и короткаго времени. Отсюда хотя въ дошедшихъ до насъ памятникахъ нѣтъ ясныхъ слѣдовъ постепеннаго образованія ея, однако, основываясь съ одной стороны на историческихъ отношеніяхъ Іудеевъ этого періода къ Сиріянамъ и Арабамъ, съ другой — на филологическомъ сравненіи системы гласныхъ знаковъ этихъ народовъ съ мазоретскою и на нѣкоторыхъ другихъ историческихъ данныхъ, нельзя не видѣть постепеннаго происхожденія ея изъ простѣйшихъ основаній, а равно и исторической связи ея съ ними. Сиріане и Арабы уже въ 7 в. имѣли гласные знаки, которые, произшедши изъ простыхъ діакритическихъ знаковъ и точекъ, мало по малу получили полное фонетическое означеніе гласныхъ звуковъ, и которые положены іудейскими учеными, собиравшими и письменно упрочивавшими мазору, въ основаніе при образованіи ими собственной вокализаціи, простирающейся до самыхъ малѣйшихъ отбѣнковъ звуковъ, арабское происхожденіе которой не подлежитъ сомнѣнію: это подтверждается съ одной стороны свидѣтельствомъ іудейскихъ грамматиковъ, которые всѣ гласныя сводятъ къ тремъ основнымъ гласнымъ, съ другой — арабскими названіями ея. — Образованіе ея послѣдовало въ Тиверіадской школѣ въ промежутокъ времени отъ 7 до 10 в., такъ какъ Талмудъ заключенъ только въ 6 в., въ началѣ же 11 в. грамматикъ *P. Хаюгъ* упоминаетъ уже о всѣхъ семи гласныхъ, а испанскіе раввины 11 и 12 вв. не сообщаютъ никакихъ данныхъ о позднѣйшемъ происхожденіи ея.

Слово-и смыслоотдѣленія чрезъ открытыя мѣста и письменныя остановки.

Древніе Евреи, какъ и древніе вообще, не имѣли ни *отдѣленія словъ* ни *scriptio continua*, но отдѣляли предложенія, а большею частію и слова, небольшими промежутками, между тѣмъ какъ слова, находящіяся въ тѣсной связи между собою, составили *scriptio continua*. Но со введеніемъ въ употребленіе правильнаго квадратнаго шрифта, сдѣлалось общимъ и отдѣленіе каждаго слова небольшими промежутками, и только позднѣе, по нерадѣнію, не всегда строго соблюдалось въ рукописяхъ.

Кромѣ того, *смыслоотдѣленія* или мѣньшія и бѣльшія текстотдѣленія въ прозаическомъ письмѣ издавна отмѣчались *открытыми мѣстами* различнаго вида и величины, и чрезъ это образовались въ Пятикнижїи текстотдѣленія, извѣстныя подѣ названіемъ *паршизъ*, которыя, смотря потому, начинаются ли онѣ строчными остановками, или же внутренними промежутками, раздѣляются на *открытыя* и *замкнутыя* или *связанныя* и отмѣчались въ мазоретскихъ рукописяхъ и изданіяхъ начальными буквами *p* (*pe*) и *s* (*самехъ*). *Открытыми* отмѣчались различныя матерїи текста или бѣльшія отдѣленія, *замкнутыми* или находящимися въ строкѣ—мѣньшія смыслоотдѣленія. Такия текстотдѣленія находятся также у пророковъ и въ агїографахъ. Они тщательно сохранены и умножены въ болѣе подробныхъ рукописяхъ и изданіяхъ на основанїи весьма древняго преданія. Они есть даже въ Талмудѣ, потому что въ Мишиѣ встрѣчаются многія отдѣльныя парши, а въ Гамарѣ дѣлается уже различіе между открытыми и замкнутыми паршами, которое составляетъ необходимую принадлежность священной орѳографїи, начало же ихъ относится къ Моисею, такъ что происхожденіе ихъ принадлежитъ, вѣроятно самымъ раннимъ временамъ публичнаго чтенія священныхъ произведеній, если не самимъ составителямъ ветхозавѣтныхъ книгъ.

Равнымъ образомъ и въ поэтическихъ мѣстахъ (книгахъ и частяхъ), которыя въ силу риѳмическаго сложенія ихъ, даютъ правильное повтореніе параллельныхъ членовъ, предложенія риѳмическихъ членовъ издавна, или по крайней мѣрѣ съ самыхъ раннихъ временъ священной каллиграфїи, расположены по строкамъ и раздѣлены на стихи, *stíxoi*, *versus*, или даже на *хѳла* и *хѳрмаса*, большія и меньшія члены стихи. Что этотъ обычай, весьма древній у Грековъ, Римлянъ и Арабовъ, присущъ и еврейскому тексту ветхозавѣта, съ большою вѣроятностію можно заключать изъ того, что онъ постоянно встрѣчается въ пѣсняхъ Пятикнижїи и историче-

скихъ книгъ ¹⁶⁾, что многія древнѣйшія рукописи поэтическихъ книгъ ¹⁷⁾ и теперь еще такъ раздѣлены, что такъ написаны рукописи LXX и древніе латинскіе переводы, и что Іосифъ и Филонъ сравниваютъ строки съ классическимъ размѣромъ стиховъ, а отцы церкви разсматриваютъ его какъ весьма древній.

Стихи, главы и церковныя зачала.

I. Послѣ римскаго раздѣленія на предложенія поэтическихъ книгъ вошло въ употребленіе въ прозаическихъ книгахъ, по крайней мѣрѣ въ книгахъ для чтенія, *логическое раздѣленіе на періоды*, о которомъ упоминается уже въ Мишиѣ, какъ правилъ остановки при чтеніи закона и пророковъ и введено, вѣроятно, для болѣе легкаго чтенія и объясненія священнаго писанія въ синагогахъ, но въ Гамарѣ относится уже ко временамъ Моисея. Что чрезъ это раздѣленіе произошли наши геперешнія стихи, видно изъ древнихъ исчисленій, находящихся въ Талмудѣ, которыя довольно сходны съ нашими стихами.

Но эти раздѣленія на стихи и періоды—что весьма вѣроятно—сперва не отмѣчались наружными знаками, а распространялись просто на основаніи устного преданія, какъ это видно изъ того, что Талмудъ, который довольно часто говоритъ о стихахъ и т. п., нигдѣ, однако, не упоминаетъ о наружныхъ знакахъ, что синагогскіе свитки итн-рируютъ ихъ, что отмѣтки раздѣленій представляются некуствомъ, преподааннымъ въ школахъ, и выражается сожалѣніе о невозможности свести счетъ стиховъ нашихъ книгъ, и что древніе переводчики несогласны между собою въ раздѣленіи на стихи. При первомъ появленіи наружныхъ знаковъ, они состояли просто въ небольшихъ промежуткахъ. Только въ талмудическій періодъ, но еще раньше появленія мазоретской пунктуации, это раздѣленіе на стихи было обозначено и наружно двумя точками (:) и введено въ поэтическія книги, въ которыхъ оно замѣнило собою древнее раздѣленіе стиховъ. Что оно древнѣе нынѣшней пунктуации и акцентуации, видно изъ того, что оно упоминается раньше, и въ рукописяхъ и рукописныхъ изданіяхъ ставится софъ пасукъ и издавна отличается отъ соответствующаго акцента.

II. Такъ какъ слѣдовъ *раздѣленій* еврейскаго текста на

16) Исх. 15. Втор. 32. Суд. 5. 2 Цар. 22.

17) Псал., Прит., Іов.

главы, найденныхъ въ произведеніяхъ *Иеронима*, при болѣе точномъ изслѣдованіи, не оказалось, то раздѣленія, найденныя *Р. Иаковомъ* балъ *Хаимомъ* въ рукописи и принятыя въ его изданіе библии, которыхъ ветхій завѣтъ насчитываетъ 447, могутъ служить первымъ опытомъ раздѣленія на главы, происхожденіе которыхъ неизвѣстно. Наше теперешнее раздѣленіе на главы — христіанскаго происхожденія. Оно относится къ 15 в. и заимствовано изъ Вульгаты *Р. Натаномъ* около 1440 г., и по примѣру *Р. Иакова* балъ *Хаима* введено въ еврейскія изданія библии.

III. Изъ малыхъ парашъ, образовавшихся чрезъ открытыя мѣста, позднѣе произошли тамъ называемыя *болшія парашы* или теперешнія субботнія зачала *Пятикнижія*, о которыхъ въ *Мишиѣ* вовсе не упоминается, а въ *Тамарѣ* лишь изрѣдка упоминается; потому они игнорируются и въ синагогскихъ свиткахъ и прочитывались въ концѣ еженедѣльнаго чтенія всего *Пятикнижія* въ теченіе извѣстнаго періода. — Одинаковую цѣль и происхожденіе имѣютъ *гафтары* у пророковъ, т. е. отдѣленія, избранныя для синагогскаго чтенія изъ пророческихъ книгъ, которыя встрѣчаются уже въ *Мишиѣ*.

Мазоретская система акцентовъ (удареній).

Мазоретская акцентуація такъ тѣсно связана съ мазоретскою вокализациею, что она, не смотря на то, что нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ о ея происхожденіи, появилась одновременно съ нею, и образовалась также постепенно какъ и та и, вышедши изъ простѣйшихъ основаній, достигла въ высшей степени сложной формы, въ которой и дошла до насъ — Двоимъ названіемъ акцентовъ: *tebamin* (*sensus, знакъ смысла*) и *pehinot* (*знакъ модуляціи*) опредѣляется дѣйствительное назначеніе ихъ, именно: опредѣлять и отмѣчать до отдѣльныхъ словъ и слоговъ библейскаго текста ритмъ при церковномъ изъясненіи священныхъ произведеній, которое, будучи условлено логическимъ смысломъ словъ и предложений, при чтеніи въ различной модуляціи голоса находятъ себѣ соотвѣтствующее выраженіе.

РУКОПИСИ ВЕТХАГО ЗАВѢТА.

Общій характеръ ихъ

Все дошедшія до насъ еврейскія рукописи относятся къ послѣ мазоретскому времени и, за исключеніемъ незначительныхъ отступленій, содержатъ одинаковый текстъ, но въ двойкѣ и формѣ, по

тому что одиѣ неизмѣнно сохранили простой древній домазоретскій характеръ текста, другія, напротивъ, содержатъ текстъ, наполненный мазоретскими поправками.—Поэтому онѣ раздѣляются на *священныя* и *обыкновенныя*, или 1. на *синагогскіе свитки*, 2. на *обыкновенныя* или *частныя рукописи* а) съ халдейскимъ квадратнымъ шрифтомъ, б) съ раввинскимъ шрифтомъ.

Вслѣдствіе большаго уваженія іудеевъ къ буквѣ священныхъ произведеній, уже въ Талмудѣ изложены очень строгія, часто мелочныя предписанія касательно приготовленія рукописей, а позднѣе, при распространеніи мазоретскаго характера текста, стали обращать вниманіе и на вѣрность списковъ, провѣряемыхъ по тщательно исправленнымъ образцовымъ рукописямъ. Но, не смотря на такую предосторожность, вслѣдствіе невнимательности и нерадѣнія переписчиковъ, въ кодексы вкрались все таки различные варианты, какъ это видно частію изъ раввинскихъ комментаріевъ среднихъ вѣковъ, частію изъ сравненія самыхъ рукописей; при этомъ, однако, нельзя было не видѣть, что древнѣйшіе кодексы представляютъ мазоретскій текстъ съ большею вѣрностію, чѣмъ позднѣйшіе.

Синагогскіе свитки.

Рукописи, назначенныя для синагогскаго богослуженія, содержатъ въ себѣ только Пятикнижіе и, на основаніи строгихъ предписаній, написаны въ древнемъ форматѣ свитковъ съ халдейскимъ квадратнымъ шрифтомъ, безъ гласныхъ и удареній, но съ необыкновенными точками, рѣдкими фигурами буквъ, древними промежутками и остановками письма, на пергаментѣ съ величайшею каллиграфическою точностію и самою тщательною корректурою по подлиннымъ экземплярамъ. Потому все онѣ имѣютъ однообразный текстъ и, большею частію, не очень древни, потому что сдѣлавшіяся негодными къ употребленію тщательно зарывались. Гафтары и пять мегиллотъ написаны на особыхъ свиткахъ.

Частныя рукописи съ халдейскимъ квадратнымъ шрифтомъ

Онѣ написаны большею частію на пергаментѣ, нѣкоторыя на хлопчатой и обыкновенной бумагѣ, въ различныхъ форматахъ, въ листѣ, четверть, восьмую и двѣнадцатую долю листа, чернымъ черниломъ, согласныя же буквы и точки-разнымъ, обыкновенно столбцами, въ поэтическихъ же частяхъ большею частію стихами, съ тщательнымъ дѣленіемъ строкъ и полей, причемъ число и ширина первыхъ различны и сдѣланы приспособительно къ формату.

Квадратный шрифт во всех рукописях почти один и тот же. Начальные буквы и слова часто украшены золотом и другими красками. Отдельные книги разделены промежутками, за исключением книг Самуила, царств, параполименей, Ездры и Ноемии; порядок книг также различен в различных странах. Они содержат в себя или один еврейский текст, или чаще с переводом, обыкновенно таргумом, реже с арабским и другими переводами, то в особом столбце, то между текстом стихами, редко на полях с очень мелким шрифтом. — На верхних и нижних полях находится большая мазора, иногда раввинский комментарий, молитвы, псалмы и т. п., на наружных полях сходы, варианты, корректуры, указание парашъ и гафгаръ, раввинских комментариевъ, на внутренних — малая мазора.

Древность рукописей трудно определить. Подписи, которые показывают время приготовления, писателя, владельца, место и т. п., часто темны, неточны, даже не верны и поддельны, или вследствие раздробления рукописей потеряны. Да и внутренние признаки, по которым критики хотели определить векъ, какъ то: простота буквъ, отсутствие мазоры, необыкновенныхъ буквъ, гласныхъ знаковъ и т. п., вполне сомнительны. Вернее можно определить место происхождения кодексовъ, если оно не указано въ подписи, по расположению книгъ, по украшениямъ, характеру шрифта и т. п., хотя и не вполне точно.

Частные рукописи съ раввинскимъ шрифтомъ.

Они написаны на хлопчатой или обыкновенной бумагѣ раввинскимъ курсивнымъ шрифтомъ, или подобнымъ ему характеромъ письма, безъ точекъ и мазоры, иногда снабжены арабскимъ переводомъ, многими сокращениями и, по Кенникотту, едва достигаютъ древности 500 лѣтъ.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВѢТХАГО ЗАВѢТА ПОСРЕДСТВОМЪ ДРЕВНИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ.

Достоинство и раздѣленіе древнихъ переводовъ.

При подлинникѣ ветхія завѣтъ уже рано умножился и далеко распространился чрезъ переводы на различные языки. Въ этихъ древнихъ переводахъ мы имѣемъ не только весьма дорогие пособия для объясненія ветхого завѣта, но и важными свидѣтельствами относительно качества текста его, изъ временъ, на которыя мы не имѣемъ иныхъ указаний текста, потому что все еврейскія рукописи, дошедшія до насъ, очень новы.

На основаніи такого критическаго значенія ихъ они раздѣляются а. на *непосредственныя*, т. е. сдѣланные съ подлинника, и б. *посредственныя* т. е. сдѣланные съ другихъ переводовъ, причемъ можетъ быть принята во вниманіе классификація ихъ по мѣсту и времени происхожденія ихъ.

(Продолженію слѣдуетъ).

РЕЗУЛЬТАТЪ 2-Й БОГОСЛОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦІИ ВЪ БОННѢ,

29 ІЮЛЯ (10 АВГУСТА)—4 (16) АВГУСТА.

Семь дней, проведенныхъ членами второй конференціи въ Боннѣ въ концѣ іюля и началѣ августа сего года, были посвящены главнымъ образомъ разсужденіямъ объ ученіи древней нераздѣленной церкви по важнѣйшему изъ вопросовъ, отдѣляющихъ всѣ западныя вѣроисповѣданія отъ восточной церкви, именно по вопросу объ *исхожденіи Святаго Духа*. Эти разсужденія происходили не столько въ *общихъ* засѣданіяхъ конференціи, собиравшейся, какъ и въ прошломъ году, въ такъ называемой музыкальной залѣ боннскаго университета, и состоявшей, подъ предѣлательствомъ Дёллингера, изъ старокатоликовъ, православныхъ и англо-американцевъ (*), сколько въ предварительныхъ *частныхъ* собраніяхъ въ домѣ епископа Рейнкеуса, которыя составлялись то изъ старокатоликовъ и православныхъ, то изъ старокатоликовъ и англо-американцевъ, то изъ депутатовъ отъ всѣхъ этихъ трехъ группъ. Само собою разумѣется, что каждая изъ этихъ группъ имѣла и свои частнѣйшія собранія, въ которыхъ участвовали принадлежащіе только одному вѣроисповѣданію. Продолжительныя чтенія церковно историческаго содержанія, которыми Дёллингеръ начиналъ каждое изъ общихъ и нѣкоторыя изъ частныхъ засѣданій конференціи, только отчасти относились къ вопросу объ исхожденіи Св. Духа; преимущественно же они направлены были къ раскрытію вліянія папальной системы на усиленіе догматическихъ и обрядовыхъ разностей, отличающихъ Западъ отъ Востока, и на бѣдственно церковно-общественное состояніе народовъ, безусловно подчинившихся этой системѣ, напр.

(*) Присутствовали на общихъ засѣданіяхъ конференціи я нѣмецкіе и американскіе протестанты, между прочимъ, профессоръ боннскаго университета Крафтъ и вѣстный историкъ Schaff; но они по вопросу объ исхожденіи Св. Духа не отдѣлялись отъ англо-американцевъ.

въ Польшѣ, Южной Америкѣ, Испаніи, Италіи, Франціи, Австріи, — или на болѣе подробное разъясненіе нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ, затронутыхъ на прошлогодней конференціи, каковы были чтенія: объ ученіи древней церкви относительно молитвъ за умершихъ и о церковныхъ епитиміяхъ въ противоположность позднѣйшему западно римскому ученію о чистилищѣ и индульгенціяхъ, — и о законности англиканскаго священства. Всѣ эти чтенія, отличавшіяся богатствомъ историческаго знанія, ясностію изложенія и одушевленіемъ оратора, до глубины души убѣжденного въ гибельности во всѣхъ отношеніяхъ значенія папскаго абсолютизма въ христіанскомъ мірѣ, хотя и выслушивались съ живѣйшимъ интересомъ, какъ выраженія взгляда старокатолическаго вождя на разныя явленія церковно-исторической жизни, не представляли однакоже чего либо существенно новаго для православныхъ слушателей; ихъ содержаніе не возбуждало никакихъ препій и не резюмировалось въ какихъ-либо положеніяхъ, которыя бы конференція должна была обсуждать, принимать или отвергать. Интересъ конференціи, какъ замѣчено выше, былъ сосредоточенъ главнымъ образомъ на вопросѣ объ исхожденіи Св. Духа.

Въ ожиданіи имѣющаго появиться въ печати, какъ и въ прошломъ году, подробнаго отчета о рѣчахъ и заявленіяхъ членовъ конференціи, записывавшихся, какъ и тогда, во время самыхъ засѣданій, считаю долгомъ сообщить читателямъ «Церковнаго Вѣстника» результатъ, къ которому пришла вторая боинская конференція по вопросу объ исхожденіи Св. Духа.

Этотъ результатъ, по моему мнѣнію, можно выразить такъ: старокатолическіе и англо-американскіе богословы, участвовавшіе въ конференціи, во первыхъ, признали безусловно истиннымъ и обязательнымъ для себя вселенское ученіе объ исхожденіи Св. Духа, какъ оно изложено въ никео-цареградскомъ символѣ, т. е. что *Духъ Святый исходитъ отъ Отца*; богословски научное раскрытіе этого ученія, или богословскія мнѣнія по этому вопросу они обязались, во вторыхъ, излагать не иначе, какъ только въ духѣ древле-отеческаго ученія нераздѣленной церкви. Этотъ именно смыслъ и имѣютъ слѣдующія четыре положенія, предложенныя къ обсужденію на одномъ изъ первыхъ общихъ засѣданій конференціи.

1) Мы согласны въ принятіи вселенскихъ символовъ и въ происхожденіи древней нераздѣленной церкви.

2) Мы согласны въ признаніи того, что прибавленіе Filioque къ символу сдѣлано не законно съ церковной точки зрѣнія (nicht in Kirchlich rechtmässiger Weise erfolgt sei).

3) Мы естъ обязываемся излагать (wir bekennen uns anderseits zur Darstellung) ученіе о Св. Духѣ такъ, какъ оно преподавалось отцами нераздѣленной церкви.

4) Мы отвергаемъ всякое представленіе и всякій способъ выраженія, въ которыхъ бы заключалось принятіе двухъ началъ, или *ἀρχαί* или *αἰτίαι* въ Троицѣ.

Къ сему слѣдуетъ прибавить, что епископъ Рейнкеусъ заявилъ членамъ конференціи о твердомъ намѣреніи старокатоликовъ, при предстоящемъ изданіи старокатолическаго служебника (Missale), исключить Filioque изъ символа.

Вышеизложенныя четыре положенія приняты были на общемъ собраніи конференціи безъ всякихъ прѣвій.

Но старокатолическіе, равно какъ и англо-американскіе богословы, не ограничились съ принятіемъ только этихъ общихъ положеній объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца.

Признавъ ученіе никео-цареградскаго символа вселенскою, не-прикосновенною истиною и обязавшись въ раскрытіи этой истины руководствоваться мнѣніями отцовъ древней нераздѣленной церкви, иновѣрные богословы предложили православнымъ теперь же составить болѣе подробныя положенія объ исхожденіи Св. Духа собственными словами или многихъ древнихъ отцовъ, которые спеціально разсуждали объ этомъ предметѣ, хотя и не въ виду, конечно, позднѣйшаго римскаго прибавленія, или одного какого либо изъ нихъ, и притомъ принадлежащаго восточной церкви; потому что греческіе или вообще восточные св. отцы, какъ неоднократно и совершенно вѣрно заявлялъ Дёллингеръ, были и остаются учителями всего Запада въ вопросахъ богословія, понимаемаго въ собственномъ смыслѣ сего слова (т. е. ученія о Боге, въ отличіе отъ богословскаго ученія о челоѣкѣ), и навсегда останутся судіями западныхъ отцовъ и писателей по этимъ вопросамъ.

Осуществленіе этого предложенія вызвало много разсужденій, проектовъ и наконецъ образованіе комитета изъ нѣсколькихъ чле-

новъ конференціи, избранныхъ отъ лица всѣхъ православныхъ (*), англо американцевъ и старокатоликовъ, явившихся на конференцію. Комитетъ пришолъ къ соглашенію въ томъ, чтобы въ 6-ти нижеслѣдующихъ положеніяхъ изложить ученіе объ исхожденіи Св. Духа, какъ богословское раскрытіе этого догмата, собственными словами св. Іоанна Дамаскина. Этотъ святой отецъ избранъ по предложенію старокатоликовъ, какъ представитель ученія древней церкви объ исхожденіи Св. Духа не только потому, что онъ по времени своей жизни заключаетъ собою рядъ греческихъ св. отцовъ богослововъ древней нераздѣленной церкви, но и потому, что въ своемъ богословіи онъ представляетъ сокращенный сводъ миѣній предшествовавшихъ ему греческихъ отцовъ и самъ пользуется авторитетомъ святаго отца и ученаго богослова одинаково какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ.

Въ числѣ изреченій св. Іоанна Дамаскина объ исхожденіи Св. Духа, какъ извѣстно, неоднократно встрѣчаются и такія, въ которыхъ положительно говорится объ исхожденіи Св. Духа (*ἐκπέρσεως*) чрезъ Сына (*δι' Υιοῦ*). Это миѣніе и выраженіе св. отца, внесенное въ 3-е положеніе, православные не считали себя въ правѣ отвергать, не только потому, что оно не отвергнуто и не осуждено вселенскою церковію, но и потому, что, говоря объ исхожденіи Св. Духа чрезъ Сына, св. отецъ говоритъ не *о началѣ Его бытія*, которое (начало) онъ положительно относитъ къ одному Отцу (о чемъ говорятъ первыхъ два положенія и буквально приведенныя подъ 3-мъ положеніемъ слова св. отца), а *о явленіи Его* (о чемъ свидѣлствуютъ не только тѣ же слова отца, но и все 4-е положеніе).

При всемъ томъ православными сдѣлано и къ этимъ изреченіямъ св. отца предварительное замѣчаніе о томъ, что самъ св. отецъ долженъ быть толкуемъ не иначе, какъ въ смыслѣ ученія всей древней нераздѣленной церкви, и по прочтеніи этихъ положеній на конференціи, предсѣдатель ея заявилъ, что восточные принимаютъ эти положенія условно, не предрѣшая того сужденія, какое могутъ произвести объ нихъ тѣ помѣстные православныя церкви, къ которымъ они принадлежатъ.

(*) Отъ православныхъ были избраны депутатами въ комитетъ: епископъ Сиръ и Тиноса Ликургъ, профессоръ Н. Т. Осининъ, протоіерей І. Л. Янышевъ и прибывшіе изъ Константинополя архимандриты: Вріеній и Анастасіадисъ.

Вотъ эти положенія:

1) Св. Духъ исходитъ отъ Отца (ἐκ τοῦ Πατρὸς) какъ изъ начала (ἀρχή), причины (αἰτία), источника (πηγή) Божества (De recta sententia n. 1. Contra Manich. n. 4).

2) Св. Духъ не исходитъ изъ Сына (ἐκ τοῦ Υἱοῦ); потому что въ Божествѣ только одно начало (ἀρχή), одна причина (αἰτία), которую произведено все, что есть въ Божествѣ (De fide orthod. 1, 8: ἐκ τοῦ Υἱοῦ δὲ τὸ Πνεῦμα οὐ λεγομεν, Πνεῦμα δὲ Υἱοῦ ὀνομάζομεν).

3) Св. Духъ исходитъ изъ Отца чрезъ Сына (De fide orthod. 1, 12: Τὸ δὲ Πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐκφαντορικὴ τοῦ κρυφίου τῆς θεότητος δύναμις τοῦ Πατρὸς, ἐκ Πατρὸς μὲν διὰ Υἱοῦ ἐκπορευομένη. Ibidem: Υἱοῦ δὲ Πνεῦμα, οὐχ ὡς ἐξ αὐτοῦ, ἀλλ ὡς διὰ αὐτοῦ ἐκ τοῦ Πατρὸς ἐκπορευόμενον. c. Manich, n. 5: διὰ τοῦ λόγου αὐτοῦ ἐξ αὐτοῦ τὸ Πνεῦμα αὐτοῦ ἐκπορευόμενον De hymno Trisag. n. 28: Πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐκ τοῦ Πατρὸς διὰ τοῦ Υἱοῦ καὶ λόγου προϊόν).

Hom. in. Sabb. s. n. 4: τοῦτ' ἡμῖν ἐστι τὸ λατρευόμενον... Πνεῦμα ἅγιον τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ὡς ἐξ αὐτοῦ ἐκπορευόμενον, ὅπερ καὶ τοῦ Υἱοῦ λέγεται, ὡς διὰ αὐτοῦ φανερούμενον καὶ τῇ κτίσει μεταδιδόμενον, ἀλλ' οὐκ ἐξ αὐτοῦ ἔχον τὴν ὑπαρξιν).

4) Св. Духъ есть образъ Сына—образа Отца, исходящій изъ Отца и въ Сынѣ почивающій, какъ проявляющая (*) Его сила (De fide orth. 1, 7: τοῦ Πατρὸς προερχομένην καὶ ἐν τῷ λόγῳ ἀναπαυομένην καὶ αὐτοῦ οὔσαν ἐκφαντικὴν δύναμιν. Ibidem 1, 12: Πατήρ... διὰ λόγου προβολεῦς ἐκφαντορικοῦ πνεύματος).

5) Св. Духъ есть личное произведение изъ Отца, собственное Сыну, но не изъ Сына, потому что Онъ есть Духъ Усть Божества, извѣщающій Слово (De hymno Trisag. n. 28: τὸ Πνεῦμα ἐνυπόστατον ἐκπέρευμα καὶ πρόημα ἐκ Πατρὸς μὲν, Υἱοῦ δὲ, καὶ μὴ ἐξ Υἱοῦ, ὡς Πνεῦμα στόματος Θεοῦ, λόγου ἐξαγγελτικόν).

6) Св. Духъ образуетъ посредство между Отцемъ и Сыномъ

(*) Als dessen ausstrahlende Kraft; δύναμις ἐκφαντικὴ; въ другихъ мѣстахъ ἐκφαντορικὴ—vis declarans, manifestans. П. I. Я.

и чрезъ Сына соединенъ съ Отцемъ (De fide orth. 1, 93: *μέσον τοῦ ἀγεννήτου καὶ γεννητοῦ καὶ δι' Υἱοῦ τῷ Πατρὶ συναπτόμενον*).

Долгъ Богословской науки выяснитъ и опредѣлитъ смыслъ вышеприведенныхъ мнѣнй св. отца, которыя онъ самъ отчасти буквально заимствовалъ изъ предшествовавшихъ ему отцовъ, отчасти составилъ на основаніи ихъ разсужденій. Во всякомъ случаѣ, *старокатолики не только рѣшились исключить Filioque изъ вселенскаго символа, но и отвергаютъ тотъ смыслъ этого изреченія, по которому Св. Духъ будто бы исходитъ не только отъ Отца, но и изъ Сына*. Этимъ они снова доказали готовность и увеличили свои права на общеніе съ восточною церковью.

Если бы вышеприведенныя положенія оказались не препятствующими этому общенію, то не видится болѣе ни одного вопроса, по которому бы старокатолики существенно расходились съ вѣроученіемъ восточной церкви. Если они, признавая равноправность всѣхъ епископовъ въ христіанской церкви, не отказываются отъ мысли о *первенствѣ чести* одного изъ нихъ, то не по задней мысли о своемъ будущемъ папствѣ, отъ котораго они однажды навсегда отказались, а единственно потому, что эта мысль освящена вселенскими соборами, имѣла въ древности и доселѣ въ восточной церкви имѣть практическое примѣненіе, и потому должна подлежать обсужденію. Если они, безусловно признавая авторитетъ древнихъ семи вселенскихъ соборовъ *въ вѣроученіи*, доселѣ не выразили своего безусловнаго же подчиненія *всѣмъ каноническимъ постановленіямъ* этихъ соборовъ, то опять потому, что эти постановленія еще въ древней нераздѣленной церкви были не одинаково прилагаемы къ жизни на Востокѣ и Западѣ, да и доселѣ въ самой православной церкви не всѣ и не во всемъ буквально и одинаково осуществляются въ церковной практикѣ. И этотъ вопросъ, по справедливому мнѣнію старокатоликовъ, долженъ подлежать предварительному тщательному обсужденію, если ихъ общеніе съ восточною православною церковью должно быть *вполнѣ сознательнымъ, искреннимъ и прочнымъ*. А между тѣмъ они выработали уже и ввели въ свою жизнь свой церковный *уставъ*, которымъ съ точностью опредѣляются взаимныя отношенія клира и мирянъ, устройство приходовъ, составъ и права енархіальныхъ синодовъ, съ епископомъ во главѣ, равно синодальнаго представительства, управляющаго ихъ мѣстною церковію въ промежутокъ времени отъ собранія одного синода или собора до другаго, — и этотъ уставъ, признанный и гражданскими правительствами, они считаютъ согласнымъ именно съ духомъ древнихъ церковныхъ постановленій; составили и печатаютъ свой *катихизисъ, требникъ,*

готовятъ къ печати и *служебникъ*, въ которомъ они думаютъ, по крайнему разумѣнію, выразить свою вѣрность духу древней западной церкви, составлявшей одно съ восточною, и избѣжать тѣхъ нововведеній, которыми западная, собственно папская и въ послѣдствіи іезуитская система окончательно отдѣлила западныхъ христіанъ отъ единенія съ восточною церковью. Во всякомъ случаѣ, они рѣшительно отдають себя на судъ древней нераздѣленной церкви и напередъ готовы безусловно подчиниться ея приговору. Съ этою, между прочимъ, цѣлю они устрояютъ свои конференціи и потому сердечно радуются участию, какое доселѣ принимали въ нихъ члены восточной церкви.

Это участіе съ особенною силою выразилось во второй боннской конференціи. Кромѣ русскихъ депутатовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія изъ С.-Петербурга: И. Т. Осипова, Т. И. Филиппова, А. А. Кирѣева, висбаденскаго протоіерея Тачалова и меня, и изъ Москвы: М. М. Сухотина, — въ Боннѣ на этотъ разъ прибыли изъ Константинополя два архимандрита — наставникъ вышенаго народнаго училища въ Константинополь Вріенній (*), профессоръ богословскаго училища на островѣ Халки Анастасіадисъ, и діаконъ Вафидисъ; изъ Греческаго королевства — архіепископъ Скры и Тиноса Ликургъ, профессора аѳинскаго университета Дамаласъ и Россисъ; изъ Сербіи (Бѣлграда) — архимандритъ Савва; изъ Далмаціи — ректоръ Зарской духовной семинаріи архидіаконъ Мизаншъ; изъ Македоніи — директоръ учительской семинаріи д-ръ Марулисъ; изъ Румыніи — два епископа измаиловскій Мельхиседекъ и живущій на покой въ Букарестѣ Геннадій; изъ Лондона — д-ръ Овербекъ. Всѣмъ намъ православнымъ, изъ которыхъ многіе уже и прежде встрѣчались другъ съ другомъ въ Россіи, на Востокѣ или въ Германіи, чрезвычайно пріятны были какъ новая взаимная встрѣча или знакомство въ Боннѣ, такъ и общее живое наше участіе въ старокатоликахъ, отдѣленныхъ отъ насъ цѣлою бездною различій въ національныхъ и историческихъ условіяхъ жизни, и однакоже стремящихся къ сближенію съ нами на самой идеальной и въ тоже время самой надежной почвѣ, на почвѣ истинной вѣры въ Бога и въ единую святую соборную и апостольскую Церковь. Не разъ мы православные, сами принадлежащіе къ различнымъ національностямъ, всѣ вмѣстѣ собирались не только въ засѣданіяхъ конференціи, но и въ квартирѣ гостепріимнаго преосвященнаго Мельхиседека (который пріѣхалъ въ Боннѣ

(*) По только-что полученному извѣстію, архимандритъ Вріенній назначенъ на дняхъ митрополитомъ Серронекой (Σερρών) епархіи. *Ред.*

вмѣстѣ съ епископомъ Геннадіемъ и нѣсколько раньше преосвященнаго архіепископа Ликурга),—и всякій разъ мы чувствовали себя одною родною семьею, въ которой царствовало полное единодушіе и не было ни малѣйшей тѣни того разлада, который будто бы, по словамъ «Times», замѣченнымъ въ «Голосѣ», обнаруживали греки относительно русскихъ. Если гдѣ, то именно на чужбинѣ, необычайно живо чувствуется сила того глубочайшаго, ни чѣмъ не сокрушимаго единенія разныхъ націй и племенъ, которое можетъ создать только единство вѣры.

Православная церковь, какъ истинная церковь, не можетъ не носить въ себѣ сознанія этой силы вѣры, и потому не должна и не можетъ съ недоувѣріемъ или равнодушіемъ отворачиваться даже и отъ одного серьезнаго западнаго христіанина, коль скоро онъ, не смотря, на тысячи предубѣжденій и на враждебныя чувства, отдѣляющія Западъ отъ Востока, заявляетъ, что онъ не желаетъ безсознательно риздѣлять этихъ предубѣжденій и чувствъ, что онъ самъ отвращается отъ тѣхъ заблужденій и нововведеній, которыми глава западной церкви отдѣлилъ ее отъ восточной, и въ то же время старается усвоить себѣ тотъ строй церковной жизни и тотъ образъ вѣрованія, какіе были достояніемъ всей древней нераздѣленной церкви. Члены восточной церкви, отправляясь на боннскую конференцію, повиновались, безъ сомнѣнія, только влеченію этого духа любви и единенія, живущаго въ истинной Христовой церкви.

Протоіерей Іоаннъ Янышевъ.

(Церк. Вѣст. № 33).

Какъ понимать встрѣчающіеся въ Номоканонѣ слова: Вуркулаки и Антиенкотіи?

Въ 1874 г; одинъ изъ депутатовъ 2-го Темниковскаго благоч. округа на Тамбовскомъ епарх. съѣздѣ о. П. П. отъ лица всего благочинническаго округа просилъ (въ письмѣ) Редакцію Тамб. Еп. Вѣдомостей объяснить встрѣчающіеся въ правилахъ напечатаннаго въ маломъ Трѣбникѣ Номоканона слова **Вуркулаки и Антиенкотіи**, спрашивая: «какія это слова и какой ихъ смыслъ»? На этотъ вопросъ редакція отвѣтила такъ: о **Вуркулакахъ**:

Въ Номоканонѣ, часть правилъ изъ котораго помѣщена въ концѣ малаго Требника, упоминается о *воркулакахъ* въ слѣдующихъ выраженіяхъ. *Тому же запрещено* (т. е. шесть лѣтъ не причащаться св. таинъ) *подлежитъ и уже глаголемыя воркулаки сжигаются и отъ нихъ куряся, шесть лѣтъ да не причащаются.* *).

Воркулаки—мифическія существа славянскаго происхожденія (волколаки, волкодлаки), которыя перейдя въ народныя вѣрованія грековъ, отчасти измѣнили свою первоначальную природу. У русскихъ и вообще у славянскихъ народовъ, **Волкодлакъ** (по малоросс. **Вовкулакъ**) слово сложное изъ волкъ и длакъ—шерсть, руно, волосъ—означаетъ существо покрытое волчьей шерстью или шкурой. Сказанія о вовкулакахъ, о люляхъ обращающихся въ волковъ, въ русскомъ народѣ многочисленны и начало свое ведутъ съ незапамятныхъ временъ. Древнѣйшія свидѣтельства о вовкулакахъ находятся у Геродота. Онъ говоритъ, что въ странѣ, лежащей на сѣверо-западѣ отъ истоковъ Днѣпра, жилъ народъ **Невры** **) за сто лѣтъ до походовъ Дарія противъ Скиевъ. нравы ихъ, замѣчаетъ Геродотъ, похожи нѣсколько на Скиевскіе; люди этихъ почитаютъ чародѣями, и точно жившіе въ Скиевѣ рассказываютъ, что каждый изъ Невровъ разъ въ году оборачивается на нѣсколько въ *волка*, потомъ снова принимаетъ свой обыкновенный человѣческій образъ (Герод. кн. IV. стр. 165).

На руси преданія о превращеніи людей въ волковъ жавутъ съ давняго времени. Слово о Полку Игоревѣ замѣчаетъ о князѣ Полоцкомъ Всеславѣ, что у него вѣщая душа была въ тѣлѣ, что онъ въ ночь *волкомъ* рыскалъ.

Вѣра въ превращеніи или оборотничество принадлежитъ глубокой древности; источникъ ея таится въ метафорическомъ языкѣ первобытныхъ племенъ. Уподобляя явленія природы различнымъ животнымъ, называя тѣ и другія тождественными именами, человѣкъ долженъ былъ наконецъ увѣровать въ дѣйствительность своихъ поэтическихъ представленій какъ скоро обозначающія ихъ слова и выраженія потеряли для него свою первичную прозрачность, когда былъ утраченъ ихъ смыслъ. Въ началѣ способность превращеній исключительно связывалась съ стихійными существами, принадлежащими міру фантазіи и мифа. Ходячія по небу, дышущія вѣтрами, дождевыя, градовыя снѣжныя облака олицетворя-

*) Прав. 22.

**) *Невры*, по изслѣдованію Шафарика, могущественный народъ славянскаго происхожденія (Лютичи или Волчки, или Валипы) обитали именно въ той странѣ, гдѣ находились жилища Невровъ и отъ того назывались

лись то легкокрылыми птицами, то быстроногими конями, оленями, борзыми собаками, рыскающими волками и т. п. Рядомъ съ этими облаками, тучи и туманы, какъ темные покровы, застилающіе собой ясное небо, представлялись руномъ или звѣриными шкурами, въ которыя *облачаются*, одѣваются безсмертные владыки надземныхъ странъ. Богъ громовникъ и сопутствующіе ему духи бури, вихрей и дождей постоянно являются въ облачныхъ нарядахъ, и слѣдовательно переодѣтыми, ясно засвидѣтельствовали тождество понятій превращенія и переодѣванія (Аѳанас. Поэтич. Воззрѣнія Славянъ на природу Ч. III. стр. 525).

Почему волкъ играетъ важную роль въ русскихъ сказаніяхъ о превращеніяхъ въ нихъ людей? Волкъ, по своему хищному, разбойническому нраву, получилъ въ народныхъ преданіяхъ значеніе враждебнаго существа, демона. Въ его образѣ народная фантазія олицетворила нечистую силу ночнаго мрака, тучъ, затемняющихъ небо и зимнихъ тумановъ. Такое олицетвореніе стоитъ въ тѣсной связи съ вѣрою въ благодатныя небесныя стада, дарующія землѣ плодородіе. Какъ обыкновенный домашній скотъ имѣетъ страшнаго врага въ *поддучемъ волкѣ*, такъ и небесныя стада (т. е. облака, дождевыя тучи), выводимыя по языческому міросозерцанію славянскихъ племенъ, утреннею зарею и весеннимъ Перуномъ, должны были имѣть своихъ миѳическихъ волковъ, представителей темной ночи и губительнаго вліянія зимы. Первобытные народы, преимущественно проводившіе пастушескій образъ жизни, и на небѣ усматривали свой (пастушескій) бытъ. Отсюда эпитеты волчій и вечерній употреблялись иногда какъ равносильные; такъ *вечернюю звезду* (планету Венеру) называютъ въ народѣ *Волчьей звездою*. Итакъ тучи, закрывающія солнце и луну, назывались волкодлаками. Небесныя свѣтила (солнце, луна), омраченныя облаками, и бурные, грозовые духи, шествующіе въ тучахъ, казались одѣтыми, или обернувшимися въ волчьи шкуры, т. е. *оборотнями — волками*. Губительная жадность волка по отношенію къ лошадямъ, коровамъ и овцамъ, представлялась пастушескимъ племенамъ аналогичною съ тою враждебною противоположностію, въ какую поставлены природою тьма и свѣтъ, ночь и день, зима и лѣто и такимъ образомъ подъ волкомъ — подразумѣвалось злое существо, демонъ. Олицетворяя дождевыя облака дойными коровами, овцами и козами, они вѣрили, что стада эти на зиму похищаются демономъ (волкомъ). Въ мрачныхъ тучахъ, туманахъ и затмѣніяхъ солнца и луны, они видѣли демоновъ, побѣдающихъ божественныя свѣтила:

Вилкомірѣ (т. е. волчій міръ) т. е. страна, населенная людьми, периодически обращающимися въ волковъ (Слав. древ. 11 кн. 3—82. 111).

и эта вѣчная борьба тьмы и свѣта на мифическомъ языкѣ обозначалась нападеніемъ голодныхъ волковъ на небесныя стада. Самое закрытіе облаками луны, солнца и неба на простонародномъ языкѣ обозначается терминомъ *заволакивать*. О туманномъ облачномъ небѣ говорится: *заволокло*; въ областныхъ говорахъ облако называется *наволока*; въ каковыхъ выраженіяхъ звучитъ первоначальное слово *волкъ*, или по полногласному русскому произношенію — *волокъ*. Въ тѣсной связи съ *волкомъ*, какъ существомъ злымъ, по народному міровоззрѣнію, находятся *колдуны* и *вѣдьмы*. Согласно съ демоническимъ характеромъ колдуновъ, одно изъ главнѣйшихъ ихъ превращеній есть превращеніе въ волка; такъ какъ этотъ хищный, лютый звѣрь, какъ видѣли выше, выступаетъ въ старинныхъ мифахъ, какъ воплощеніе мрачныхъ тучъ, разрушительныхъ бурь и зимней стужи, какъ демонъ, пожирающій небесныхъ коровъ (т. е. дождевыя облака) и чрезъ то наводящій на землю бѣдствія, неурожай и моръ. Рядясь въ волчьи шкуры, колдуны рыщутъ голодными, жадными волками и получаютъ названіе *вовлукаковъ*.

По русскимъ повѣрьямъ, *вовлукаки* бываютъ двухъ родовъ. Это — или *колдуны*, принимающіе на себя звѣриный, волчій видъ, или простые люди, превращенные чарами колдовства въ волковъ. Колдуны рыщутъ волками обыкновенно по ночамъ (т. е. во мракѣ, наводимомъ черными тучами); днемъ же снова воспринимаютъ человѣческой видъ; они состоятъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нечистыми духами, и самое превращеніе ихъ въ волковъ совершается при помощи дьявольской. Баронъ Гаксгаузенъ говоритъ, что въ Арменіи существуетъ повѣріе, что нѣкоторыя женщины (вѣдьмы) за тяжкіе свои грѣхи превращаются въ волчицъ на семь лѣтъ, тоже число лѣтъ назначаютъ сказки для волчьяго пастыря, семь лѣтъ онъ бѣгаетъ волкомъ, а потомъ оборачивается волкомъ. Ночью является злой духъ къ нечестивой бабѣ, приноситъ волчью шкуру и приказываетъ надѣть ее; какъ скоро она облечется въ этотъ нарядъ — въ ту же минуту совершается превращеніе и вслѣдъ за тѣмъ женщина получаетъ всѣ волчьи привычки и желанія. Съ той поры она всякую ночь рыщетъ прожорливою волчицею и наноситъ людямъ и животнымъ страшный вредъ, а съ утреннимъ разсвѣтомъ снимаетъ съ себя волчью шкуру, тщательно прячетъ ее и принимаетъ свой прежній человѣческой образъ. По народному повѣрью, каждый, надѣвающій волчью сорочку, дѣлается оборотнемъ и въ теченіе девяти дней бѣгаетъ волкомъ; на десятый же день сбрасываетъ съ себя звѣриный кожухъ и возвращается въ прежнее состояніе. Оборачиваясь волкомъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ голосъ и хищническія наклонности этого звѣря; уда-

ляясь въ лѣса, нападаетъ на путниковъ и домашній скотъ и горимый голодомъ дико воетъ и даже пожиретъ падаль (Аван, ч. 532).

Приписывая превращенія вліянію злаго колдовства и въ то же время признавая души человѣческія за стихійныя существа, способныя мѣнять свои тѣлесныя одежды, предки наши пришли къ убѣжденію, что колдуны, вѣдьмы и нечистые духи могутъ превращать людей въ различныхъ животныхъ. Убѣжденіе это глубоко вкоренилось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, и вызвало множество любопытныхъ сказаній. На руси думаютъ, что колдунъ, зная имя человѣка, можетъ по собственному произволу сдѣлать его оборотнемъ; а потому имя, данное при крещеніи, необходимо утаивать и называться инымъ, вымышленнымъ. Въ пылу злобы и мщенія колдуны и вѣдьмы творятъ чары и оборачиваютъ своихъ недруговъ навсегда, или на извѣстный срокъ звѣрами. На Украинѣ и въ Бѣлоруссіи такихъ певольныхъ оборотней называютъ *вовкулаками*, потому что всего чаще ихъ представляютъ въ видѣ волковъ. Это болѣе страждущія, чѣмъ зловредныя существа; они живутъ въ берлогахъ, рыскаютъ по лѣсамъ, воютъ по волчьи, но сохраняютъ человѣческій смыслъ и почти никогда не нападаютъ на деревенскія стада, только нестерпимый голодь можетъ понудить ихъ искать себѣ поживы. Нерѣдко бродятъ они возлѣ роднаго села, и когда завидятъ человѣка, смотрятъ на него такъ жадостливо, какъ будто умоляютъ о помощи; случалось замѣчать при этомъ, что изъ глазъ бѣднаго вовкулака струились въ три ручья слезы; сыраго мяса, которое ему предлагаютъ, онъ не беретъ, а брошенный кусокъ хлѣба поѣдаетъ съ жадностью.

Въ лѣтнихъ грозахъ язычникъ—славянинъ созерцалъ свадебное торжество, брачный союзъ, въ который Перунъ вступалъ съ облачными нимфами. Чтобы воспрепятствовать этому благодатному союзу, злая вѣдьма, зима, накидывала на нихъ волчьи шкуры, т. е. оцѣпеняла стужею и лишала плодотворнаго сѣмени, дождя. Отсюда родилось повѣрье, что колдуны и вѣдьмы всего чаще оборачиваютъ въ волковъ новобрачную чету и свадебныхъ поѣзжанъ. У Вѣлорусовъ сохраняется преданіе, что когда то праздновалась свадьба, и вдругъ неожиданно—не гаданно среди шумнаго веселья, женихъ и всѣ прочіе мужчины были превращены чародѣемъ въ волковъ, женщины въ сорокъ, а невѣста—въ кукушку. Такимъ образомъ по представленію русскихъ, *вовкулаки* означаютъ или колдуновъ, намѣренно превращающихся въ волковъ для достиженія какой либо преступной своей цѣли, или обыкновенныхъ людей (не чародѣевъ), обращенныхъ колдунами въ волковъ, по мести, или другому какому либо нечистому побужденію.

Но русское повѣріе о вовкулакахъ, издревле перешедшее къ Грекамъ, отчасти измѣнило свое значеніе. У Грековъ *вуркулаками* называются мертвецы *вампиры*, которые, вставая изъ своихъ гробовъ, бродятъ по знакомымъ домамъ и мѣстамъ, нападая на живыхъ и высасывая изъ нихъ кровь. Участи сдѣлаться по смерти вуркулакомъ ожидаетъ всѣхъ порочныхъ и преступныхъ людей, въ особенности—умершихъ подѣ церковною клятвою. Злые демоны, овладѣвая трупами подобнаго рода усопшихъ, оживляютъ этихъ мертвецовъ, дѣлая *воркулаками* (оборотнями) и чрезъ ихъ посредство распространяютъ повсюду свое губительное дѣйствіе. Вуркулаки бѣгаютъ ночью по улицамъ, стучатся въ двери домовъ и выкликаютъ по именамъ мѣстныхъ жителей; кто отзовется на ихъ окликъ,—тотъ немедленно умретъ. Вуркулаки издаютъ на ходу рѣзкій звукъ, на подобіе *тимпана*, отсюда и другое названіе ихъ (въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Помоканона, напр. у Дюканжа)—*шумпанки*. Тѣла вуркулаковъ, въ знакъ лежащаго на нихъ церковнаго проклятія, остаются негниющими и дѣлаются твердыми, какъ металлъ. Повѣрія о злобныхъ, блуждающихъ вампирахъ (или уныряхъ) существуютъ и въ Россіи и особенно распространены въ Малороссіи.

Упыри—это мертвецы, бывшіе при жизни своей колдунами, вовкулаками и вообще людьми отверженными церковію, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, боготетупники и проклятые своими родителями. Въ глухую полночь выходя на могилу, гдѣ лежатъ они негнѣнными трупами, упыри принимаютъ различныя образы, летаютъ по воздуху, рыщутъ на коняхъ по окрестностямъ, поднимаютъ шумъ и гамъ и пугаютъ путниковъ, или проникаютъ въ избы и высасываютъ кровь изъ сонныхъ людей, которые вслѣдъ затѣмъ непремѣнно умираютъ; особенно любятъ они сосать кровь младенцевъ. Если сложенная на крестъ руки упыря окоченѣли и онъ не въ состояніи ихъ развести, то прибѣгаетъ къ помощи зубовъ, а зубы у него словно стальные клыки и сокрушаютъ всякія преграды. Прогрызая двери, онъ прежде всего бросается къ зыбкѣ (люлькѣ), высасываетъ кровь ребенка и потомъ уже нападаетъ на взрослыхъ. Предразсвѣтный крикъ пѣтуха заставляетъ упыря мгновенно исчезать или повергаетъ его окровавленнаго на землю—въ совершенномъ безчувствіи. (Афанас. 3 ч. 557).

Единственное средство избавиться отъ блуждающаго вуркулака, по народному убѣжденію, *состоитъ въ томъ чтобы вырыть его трупа, сжечь и окуриться идущимъ отъ него дымомъ*. Духовенство смотрѣло на эти мѣстическія существа, какъ на *бывшійя привидѣнія*. Въ 2 ч. Помоканона, теперь уже неиздаваемой при Требникѣ, на вопросъ: *аще обращается мертвецъ глаголемый у насъ преисподникъ, что гдѣ быти, дается слѣдующій*

отвѣтъ. Истинъ же нѣсть. Діаволь бо, хотя прельстити нѣкіихъ, и во искушеніе и въ гнѣхъ Божій, творитъ сицевая ложная знаменія. Множицею бо и въ нощи привидится нѣкіимъ, аки идетъ нѣкто, его же видяху прежде и бесѣдуетъ съ нимъ. Есть же тогда и прорицаетъ нѣчто. Иногда мнѣтся видѣтъ быти на пути, или стоя, или ходя, или умерль прежде времени. Подвизаетъ же живыхъ, да прокопаютъ гробъ и видятъ мощи. *) И понеже не имутъ совершенная вѣри къ Богу, преобразуется діаволь и облачится въ мертвое тѣло, и много время мнѣтся быти мертвый, и плоть имѣти, и кровь, и ногти. Отсюда окаяніи на огнь устремляютъ, и собравши древеся, сожигаютъ мощи и потребляютъ я огнемъ: себѣ же соблюдаютъ въ огнь вѣчный, да сожжени будутъ, якоже и тѣи сожгоша онаго мощи. И мощи убо единою сожжени и истреблены нѣтъ, встанутъ паки въ день воскресенія, и сопротивъ отвѣщаютъ симъ предъ страшнымъ Судією: они же послани будутъ въ огнь вѣчный, бесконечно мучащися, аще не покаются присно, о нихъ же согрѣшища. Сего ради и божественніи отцы шестолѣтнему запрещенію предша сицевое беззаконіе творящихъ мѣрянъ, священники же отнюдь повѣща извержи. (Номоканонъ при Больш. Требникѣ, А. Павлова. стр. 56—9).

б) Антисикотіи. Въ 72 правилѣ Номоканона читается такъ: *Иже напоятъ дѣтища своя глаголемыми антисикотіи, едино мѣто да не причастятся.*

Что такое антисикотіи—объ этомъ ученые разногласятъ между собою и придаютъ этому слову различное значеніе. Въ церковномъ словарѣ (или истолкованіи рѣченій славянскихъ древнихъ, такожь иноязычныхъ безъ перевода положенныхъ въ священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ) сказано: *Антисикотія въ Требникѣ Номоканона подъ числомъ 72: иже напоятъ дѣтища своя глаголемыми антисикотіи—лѣкарство въ младенческой болѣзни, или родимуръ суевѣрное* (ч 1, стр. 33).

Въ книгѣ А. Павлова (*Номоканонъ при больш. Требникѣ*) въ объясненіе этого правила говорится: *Правило это взято изъ Псевдо—Зонарина, или Котельерова Номоканона. Но тамъ слово antisicotii, которое издатель производитъ отъ sicoma—вѣсь (antisicoma—разновѣсіе), принимаетъ въ значеніи суевѣрнаго лекарства, приготовляемаго изъ разныхъ веществъ, взятыхъ въ равномъ вѣсѣ, или—служащаго для установленія темперамента, который философы называли темпераментомъ равновѣсія. Дюканжъ видитъ корень этого слова въ латинскомъ cicuta—ядовитое растеніе, горькій сокъ котораго, соединенный съ различными противоядіями, полу-*

*) *Мощами* на церковномъ языкѣ называется вообще тѣло усопшаго человека, (см. напр. въ чинѣ погребенія мѣрянъ).

чиль названіе antisicoton. Этимъ составомъ — говоритъ знаменитый византологъ — кормилицы помазывали себѣ соски, чтобы отнять отъ нихъ дѣтей. Но уже Котльберъ, не настаивая на выше приведенномъ словопроизводствѣ и объясненіи, догадывался, что, можетъ быть, слово antisicotii (отъ sicoton — печень) означаетъ лекарство (очевидно, суевѣрное) отъ болѣзней печени. Можно, наконецъ, принимать antisicotii въ значеніи суррогата смоквъ, или вишневыхъ ягодъ (sicon). Въ историко-каноническомъ отношеніи замѣтимъ, говоритъ г. Павловъ, что правило, запрещающее матерямъ поить дѣтей волшебными лекарствами для того, чтобы они жили, встрѣчается уже въ числѣ правилъ, усвояемыхъ св. Никифору Исповѣднику *).

(Минск. Епарх. Вѣд.).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

О ПОСЛѢДНИХЪ ИЗДАНІЯХЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

	Цѣна. Р. К.		Цѣна. Р. К.
Статистическо-Географическій словарь П. П. Семенова, четыре тома, 1-й томъ . . .	3 —	Сводъ матеріаловъ по старой промышленности въ Россіи, составл. кн. А. А. Мещерскимъ и Б. Моздалевскимъ	2 —
2-й > . . .	3 75	Труды Этнографическо-Статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край:	
3-й > . . .	3 —	т. I, изд. подъ набл. П. А. Гильтебрандта	2 —
4-й > . . .	3 75	т. VI, изд. подъ набл. П. А. Гильтебрандта	2 —
Записки по Общей Географіи, т. III, труды Броюткина и Полякова	3 —	т. VII, изд. подъ набл. П. А. Гильтебрандта	3 50
Записки по Отдѣленію Этнографіи, т. III, изд. подъ редакціею Л. Н. Майкова	2 —	т. III, изд. подъ набл. Н. И. Костомарова	3 —
Тоже, т. V, изд. подъ наблюденіемъ О. Ф. Миллера и П. А. Гильтебрандта	2 50	т. V, изд. подъ набл. Н. И.	
Записки по Отдѣленію Статистическо-Географическому			

*) Перепечатано съ сокращеніемъ изъ Тамбов. Епарх. вѣдом. за 1874 г. № 21.

стики, т. Ш, труды Ану- чина и Юфорова	2 50	Костомарова	2 50
Записки по Отдѣленію Стати- стики, т. IV, Ю. Э. Ян- сона	2 50	Восточный Туркестанъ, допол- ненія къ Гитгеру В. В. Григорьева	2 —
Труды В. И. Чаславскаго о хлѣбной торговлѣ въ Мо- сковскомъ районѣ.	1 75	Иранъ. Б. Риттера. Ч. I. Пе- реводъ и дополненія Н. В. Ханькова	2 50
Западный районъ экспедиціи по изученію хлѣбной тор- говли и производительности Россіи, часть I, рай- онъ между верховьями Волги и Оки и пристани верховьевъ Волги, М. Н. Раевского.	— 75	Труды по изслѣдованію Тянь- Шаня Н. А. Сѣверцова, т. I	2 —
Торговое движеніе по Волж- ско-Маринскому водному пути, съ картою, П. Ф. Борковского.	— 60	Труды Физическаго Отдѣла Си- бирской экспедиціи; ге- ологическій отчетъ г. Шиндта	1 —
		Тоже т. II, ботаническая часть	2 —
		Карта Европейской Россіи на 12 листахъ, 3 изданіе; цѣна съ раскраскою всѣхъ границъ 6 р. однихъ го- сударств. и губернскихъ.	5 —

Заявленія и деньги адресовать въ С.-Петербургъ, въ Императорское Русское Географическое Общество, у Чернышова моста, въ домъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Для земскихъ библиотекъ и школъ, для народныхъ училищъ, гимназій, военно-учебныхъ и другихъ заведеній, семинарій, академій и сельскихъ священниковъ 10% уступки. Желаящимъ высылается полный списокъ всѣхъ изданій Общества.

Правленіе Вор. Митрофанова первокласснаго Благовѣщенскаго монастыря приглашаетъ любящихъ благо-
дѣніе храмовъ Божіихъ къ торжеству освѣщенія глав-
наго храма онаго монастыря на 28 число сего сентября.

Редакторы: } Прот. Ф. Никоновъ.
 } Ключарь Прот. І. Адамовъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. Н. Волковъ, и свящ. П. Палицынъ
Сентября 14-го дня 1875 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ